

МАРК СОЛОНИН

22

ИЮНЯ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Великая Отечественная война. Особое мнение

Марк Солонин

22 июня. Окончательный диагноз

«Яуза»

2013

УДК 94(47+57)
ББК 63.3 (2) 622

Солонин М. С.

22 июня. Окончательный диагноз / М. С. Солонин — «Яуза»,
2013 — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-6040912-7-2

История Великой Отечественной войны сейчас, как и раньше в СССР, тщательно лакируется. Есть одно официальное мнение, которое не дает ответов на множество вопросов, в частности почему война началась с катастрофических поражений Красной Армии? Изучив десятки тысяч страниц архивных документов, хранящихся в российских и германских архивах, Марк Солонин высказывает свое, особое мнение. Он доказывает, что за 24 года советской власти коммунисты так надоели стране, что даже армия не желала драться за режим.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3 (2) 622

ISBN 978-5-6040912-7-2

© Солонин М. С., 2013
© Яуза, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	19
Глава 1.1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Солонин Марк Семенович

22 июня. Окончательный диагноз

Эта книга, как и все предыдущие, была написана вне рамок заказа, финансирования, прямой или косвенной поддержки со стороны каких-либо государственных, академических, общественно-политических структур. В то же время поиск, сбор и перевод огромного массива архивных документов потребовал значительных усилий и затрат. Мне удалось решить такую задачу лишь благодаря разносторонней помощи десятков людей, в большинстве своем неизвестных мне даже по именам. Я горячо и искренне благодарю каждого из них и своим приятным долгом считаю отметить особый вклад Петра Чернышева (Украина), Игоря Гуменного (Украина), Михаила Горфункеля (Великобритания), Сергея Горшенева (Россия), Ильи Домбровского (Нидерланды), Алексея Жарова (Россия), Дмитрия Кирикова (Германия), Рихарда Лехманна (Украина), Сергея Петрова (Россия), Василия Ристо (Германия), Александра Фишера (США).

Предисловие

Катастрофа

На рассвете 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии вторглись на территорию СССР. Три недели спустя немецкие генералы могли констатировать, что первая задача, поставленная перед ними по плану «Барбаросса» (*«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено...»*), в основном уже выполнена.

Выдвижение «танковых клиньев» было глубоким и быстрым. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, Западную Украину, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину, Горынь и Случь, вышел к Днепру. 10 июля немцы заняли Псков, 16 июля – Смоленск.

Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены. Танковые дивизии вермахта преодолели по 500 и более километров советских дорог. За первые 20 дней войны немцы заняли территорию площадью порядка 450 тыс. кв. км, что примерно в 2 раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 3 раза больше территории Бельгии, Голландии и северо-востока Франции, захваченных вермахтом в мае 1940 г. (см. рис. 1).

Войска Прибалтийского и Западного особых военных округов (более 70 дивизий, 1 млн человек) были разгромлены, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло с Юго-Западным и Южным фронтами. «Отступление боеспособных войск противника» было успешно (для немцев) предотвращено – за Днепр и Западную Двину смогли отойти лишь разрозненные остатки некогда огромной армии; командиров дивизий, которые смогли вывести полторы тысячи человек с дюжиной пулеметов и парой пушек (т. е. сохранить порядка 10–15 % личного состава), отмечали в приказах как особо отличившихся...

К 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов. [1] Особенно тяжелые, практически невозполнимые потери понесли танковые войска – крупнейшие в мире советские танковые войска, на создание которых был потрачен многолетний труд и огромные материальные ресурсы. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов начали официально расформировывать. Авиационные дивизии и полки ВВС западных округов потеряли не менее 80–85 % самолетов; впрочем, и оставшиеся в списках боевые машины в большинстве своем считались неисправными. В итоге к 1 августа 1941 г. советские ВВС потеряли 10 тыс. самолетов (в четыре раза больше, чем было у люфтваффе на Восточном фронте), из которых 5240 числились как «неучтенная убыль». [4]

Стремительная потеря огромных территорий с неизбежностью повлекла за собой потерю гигантских запасов военного имущества, по какой-то причине сконцентрированного у западных рубежей Советского Союза. По данным ГАУ (Главное артиллерийское управление), из 40 артиллерийских складов, расположенных до линии Ленинград, Нежин, Кременчуг, удалось эвакуировать только 11. В приграничных округах были потеряны также сотни тысяч тонн ГСМ, десятки миллионов индивидуальных перевязочных пакетов, огромное количество продовольствия, фуража, обмундирования...

Не приходится удивляться тому, что к середине июля многим немецким генералам кампания на Восточном фронте показалась уже завершённой – они представить себе не могли,

что армия, понесшая такие потери, окажется способной к дальнейшему сопротивлению. Да, «битые гитлеровские генералы» в конечном счете ошиблись, и война закончилась в Берлине, но наша радость по этому поводу – со слезами на глазах. То, что было легко и быстро потеряно за 3–4 месяца лета – осени 41-го года, пришлось возвращать ценой непрерывного трехлетнего кровопролития, ценой жизни миллионов солдат на фронте, миллионов мирных жителей на оккупированных территориях. В целом на линию границы 41-го года Красная Армия смогла вернуться лишь к июлю – августу 1944 г. Это в целом; в частности, например в Прибалтике, бои продолжались до весны 1945 года.

И все же самым невероятным во всей этой истории следует признать не высокие темпы и глубину наступления вермахта, не огромные цифры потерь Красной Армии – а удивительные (неправдоподобно малые) потери противника. Наступающий, причем чрезвычайно успешно наступающий вермахт нес потери **в десятки раз меньше**, чем обороняющаяся Красная Армия.

Вот, например, 6-я танковая дивизия вермахта (Группа армий «Север»). Пример этот примечателен тем, что 6-я тд была вооружена хуже всех – основу ее танкового парка составляли легкие чешские танки образца 1935 г. (Pz-35(t) по немецкой системе обозначений), устаревшие технически и весьма изношенные многолетними маршами, походами и боями. 24 июня у реки Дубиса (Литва) 6-я немецкая танковая столкнулась во встречном бою со 2-й танковой дивизией Красной Армии, имевшей на вооружении, кроме всего прочего, 31 новейший тяжелый танк КВ. Для советской дивизии танковое сражение закончилось полным разгромом, потерей матчасти и гибелью командира. 6-я немецкая тд потеряла 24 июня всего 121 человека (31 убит, 18 пропали без вести, 72 ранено). [5] Менее одного процента штатной численности.

И это – самый тяжелый день и самые большие потери. 28 июня 6-я танковая дивизия форсирует полноводную Даугаву – естественный оборонительный рубеж стратегического значения. Потери: 3 убитых, 14 раненых. [6] Переправившись на северный берег, немецкая танковая дивизия устремилась к Пскову. 4–6 июля она разгромила во встречном бою части 163-й моторизованной и 3-й танковой дивизий Красной Армии, прорвала линию ДОТов Островского укрепрайона, форсировала пару мелких речушек. Потери за три дня: 28 убитых, 55 раненых. [7]

Вот еще одна немецкая дивизия, 11-я танковая. Уровень потерь личного состава – один из самых высоких среди всех танковых дивизий вермахта: к 3 июля потери дивизии составили 923 человека, в т. ч. 333 – безвозвратно. [8] Шесть процентов от штатной численности. Ценой этих шести процентов 11-я тд успела сделать следующее: непрерывно наступая в авангарде 1-й Танковой Группы, дивизия прошла более 200 км; вступила в бой с советскими 10-й и 43-й танковыми и 228-й стрелковой дивизиями, 109-й и 213-й моторизованными дивизиями и 114-м танковым полком 57-й танковой дивизии; бои эти закончились тем, что от упомянутых дивизий Красной Армии остались номера и, в лучшем случае, 30–40 % личного состава с десятком танков, а немецкая дивизия покатила дальше на восток...

В целом вся группировка вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня по 6 июля потеряла 64 132 человека, в том числе 19 789 – безвозвратно. Такие цифры приводит в своем знаменитом «Военном дневнике» (запись от 10 июля 1941 г.) начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер.

Разумеется, 10 июля Гальдер не располагал еще всей информацией по потерям на 6 июля, поэтому указанные выше цифры (64 тыс., в том числе 20 тыс. безвозвратно) несколько занижены. По так называемым «десятидневкам» (отчетам о потерях, составляемым верховным командованием на основании донесений штабов частей и соединений за каждый десятидневный период) потери вермахта к 10 июля 1941 г. составили 77 тыс. человек, в том числе 23 тыс. безвозвратно. Численность группировки вермахта на Восточном фронте на тот момент Галь-

дер оценивает в 3,3 млн человек, соответственно общие потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) составляют всего 2,3 %.

Да и эти цифры можно оспорить, т. к. любые донесения, составленные в ходе боевых действий, недостаточно точны и полны. Можно и дальше заниматься уточнением статистических данных, но бесконечная эта дискуссия не должна заслонять от нас главное. А главное – это то, что за разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий не уступавшего ни одной европейской армии, а по количеству танков и самолетов в разы превосходившего любую из них), за оккупацию огромной территории вермахт заплатил потерей 2–3 % своего личного состава. Если же говорить не об общих, а только о безвозвратных (убитые и пропавшие без вести) потерях, то они оказались порядка 1 %. «Отряд не заметил потерю бойца...» Даже в ходе того, что советская историография называла «триумфальный марш вермахта во Франции», безвозвратные потери немцев были вдвое больше (46 тыс. человек). [16]

Самой главной оценкой потерь вермахта может служить сравнение их с потерями противника, т. е. Красной Армии. По официальному мнению современных российских военных историков, в период с 22 июня по 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли безвозвратно 589 тыс. человек, и эта цифра не включает еще потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля 1941 г. [17]

Сегодня уже не вызывает сомнений явное и значительное занижение данных о потерях, допущенное составителями сборника «Гриф секретности снят» (сборник Кривошеева). Так, в частности, общие потери Северо-Западного фронта они оценили в 88,5 тыс. человек (всего 23 % от первоначальной численности). Может ли это быть правдой, если все известные документы с абсолютным единодушием свидетельствуют – фронт был разгромлен наголову, до Острова и Пскова добрались лишь разрозненные группы бойцов и командиров¹. И что примечательно, на стр. 368 все того же сборника нам сообщают, с 22 июня по 9 июля СЗФ потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Как 89 тыс. человек могли «потерять» 341 тыс. винтовок?

В нормальной воюющей армии потери личного стрелкового оружия меньше, чем потери людей – бросать винтовки не положено, у них есть номера, и за каждую винтовку кто-то расписался; винтовка весит 3–4 кг, и один здоровый мужчина без особого напряжения может вынести с поля боя 3–4 винтовки, оставшиеся от раненых и убитых товарищей. В ненормальной, панически разбегающейся армии потери личного оружия могут сравняться с потерями личного состава, но не превысить же их в 4 раза! Западный фронт, кстати, также смог (на страницах статистического сборника «смог») потерять 521 тыс. единиц стрелкового оружия при потере 418 тыс. человек. Только в случае с Юго-Западным фронтом цифры, приведенные в сборнике Кривошеева, приходят в некоторое соответствие со здравым смыслом (потеряно 242 тыс. человек и 170 тыс. единиц стрелкового оружия).

В итоге мы имеем следующее: даже если принять заведомо и значительно заниженные цифры Кривошеева, то и в этом случае соотношение безвозвратных потерь личного состава в ходе т. н. «приграничного сражения» (до 6–10 июля) составит **1 к 23**. Реальная же картина безвозвратных потерь определяется, скорее всего, цифрами порядка 900–1000 тыс. с советской стороны и 25–30 тыс. с другой, что дает в итоге соотношение **1 к 35**. Несколько нарушая хронологию изложения, сразу же отмечу, что итоговое соотношение безвозвратных потерь за весь 1941 год составило порядка **1 к 28**.

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в

¹ По расчетам И.И. Ивлева, проделавшего гигантскую работу по изучению первичных документов о движении личного состава Северо-Западного фронта, потери фронта на 9 июля составили 260 тыс. человек, что втрое больше того, что подсчитано у Кривошеева.

Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара – танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград (полноводные реки Буг, Неман, Березина, Западная Двина, Днепр, Днестр) и долговременных оборонительных сооружений (порядка 1 тысячи железобетонных ДОТов вдоль «новой» границы и более 3 тысяч – у «старой»).

Поиск объяснений

Что это было? Что произошло с «непобедимой и легендарной» Красной Армией? Как такой жуткий разгром мог случиться с армией страны, наделенной неисчислимыми природными ресурсами, страны, которая ничем другим, кроме подготовки к будущей войне, честно говоря, и не занималась?

Правильный ответ начинается с правильного вопроса. Этот же афоризм можно, на мой взгляд, перефразировать иначе: неправильный ответ (тем паче – преднамеренная попытка ввести людей в заблуждение) начинается с нелепо сформулированного вопроса. Именно так и действовали советские историки-пропагандисты – соответствующий параграф в их книжках назывался «Причины временных неудач Красной Армии» или еще круче: «Причины проигрыша приграничного сражения».

Слова «временная неудача» – это совсем не то, что побуждает искать какую-то весомую причину. С кем не бывает временных неудач? А уж термин «приграничное сражение» – применительно к военной кампании, развернувшейся на пространствах, превышающих площадь большинства европейских стран, – и вовсе следует признать блестящей находкой партийных пропагандистов. Воображение читателя сразу же рисует картину боя взвода пограничников с навалившейся на них бандой. Остается только добавить два слова – «неожиданно и внезапно» – и причина «проигрыша приграничного сражения» станет простой и понятной...

Впрочем, тезис о «неожиданном и внезапном нападении на мирно спящую страну» даже в советские времена не претендовал на статус «первой линии обороны», а выполнял скорее роль «предполя» (этим термином в военном деле обозначают полосу территории, на которой предполагается притормозить наступление противника, задержать его выход к главной линии обороны).

Даже советские пропагандисты (слово «даже» в данном случае относится не к оценке их умственных способностей, а к оценке ситуации, в которой они работали, чувствуя за спиной надежную поддержку «органов», готовых заткнуть рот любому несогласному) понимали, что излишне акцентировать тему пресловутой «внезапности» не стоит – уж в слишком дурацком виде выставляла она родную партию, ее мудрый Центральный комитет и самого Вождя, которые не смогли разглядеть сосредоточение у границ СССР трехмиллионной вражеской армии. С первыми же лучами «гласности» цветы внезапности окончательно увяли; сегодня даже добросовестный школьник знает, что длинная череда тяжелейших поражений Красной Армии (Уманьский, Киевский, Вяземский, Брянский, Керченский, Харьковский «котлы»), начавшись летом 41-го, продолжилась осенью и возобновилась в мае 42-го года; о какой «внезапности» можно тут говорить?

Соответственно, первой и главной «линией обороны» в советской исторической мифологии стало «многократное численное превосходство противника, особенно в танках и авиации». Вот это звучит убедительно. Весомо. С детства обработанный советский человек сразу же представлял себе трех красноармейцев с «одной винтовкой на троих», на которых надвига-

ются пять немцев, укрытых под броней «Тигра». А следом за ними – колонна автоматчиков, все как один на бронетранспортерах. Вот и повоюй тут!

Весь этот бред растаял, как туман на рассвете, при первых же признаках ликвидации идеологической цензуры. На сей момент танки, пушки, пулеметы и дивизии давно посчитаны и пересчитаны, результаты многократно перепроверены и опубликованы. Не знать реального соотношения сил сегодня может только тот, кто очень сильно зажмурился, да так и не открывал глаза последние 10–15 лет. Из множества достойных публикаций могу порекомендовать, например, обстоятельную статью М. Мельтюхова. [19] Самые любознательные могут обратиться непосредственно к первичным документам, благо в наше время с ними можно ознакомиться, даже не отходя от компьютера. [20]

От себя я хочу лишь напомнить о том, что 22 июня война не закончилась, а только началась. Соответственно, «мгновенная фотография» состава противоборствующих группировок по состоянию на первый день войны никоим образом не может считаться исчерпывающим ответом на вопрос о соотношении сил сторон. Ничуть не менее важным является (и теоретически, и практически) способность наращивать силы, восполнять потери личного состава и техники, формировать новые соединения. Вот об этом-то у нас принято традиционно забывать. И привычка такая возникла в советские времена совсем не случайно – «мгновенная фотография» серьезно искажает (в пользу Германии) реальную картину соотношения сил.

То, что командование вермахта собрало 22 июня 1941 г. у границ Советского Союза, представляло собой максимум достижимого для Германии, которая уже давно провела мобилизацию резервистов и теперь вела боевые действия на нескольких сухопутных фронтах, в небе над «рейхом» и на безбрежных просторах Атлантического океана. Всего до конца 1941 г. на Восточном фронте из резерва ГК в бой были введены 2 танковые, 1 моторизованная и 25 пехотных дивизий; очень скромно – как в абсолютных, так и в относительных числах (в составе трех Групп армий «Север», «Центр», «Юг» изначально было 119 дивизий, не считая т. н. «охранные»). В качестве маршевого пополнения соединения вермахта на Восточном фронте получили до конца 1941 г. менее 20 % от своей первоначальной численности.

С другой стороны, те силы, которые Красная Армия развернула в западных округах к 22 июня, представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сосредоточить на Западе в условиях незавершенной скрытой мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано 5,3 млн человек². Это означало увеличение общей численности Красной Армии в два раза и позволило формировать новые дивизии и бригады сотнями. 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего до конца года – по минимальным из имеющихся оценок – было мобилизовано 11,7 млн человек, добросовестные современные исследователи насчитали и все 14 млн. Разумеется, не все эти миллионы сразу же попали в действующую армию, но в целом общий «ресурс живой силы», предоставленный командованию Красной Армией в 1941 г., примерно втрое превысил соответствующий ресурс противника.

Уже к 10 июля, несмотря на тяжелейшие потери и окружения первых недель войны, в составе действующих фронтов Красной Армии числилось 202 (!) дивизии, в том числе 62 «свежих», не принимавших участия в июньских боях соединений Второго стратегического эшелона³. [140] И упомянутые 62 дивизии – это только начало длинного перечня; уже к этой дате в составе резерва ГК, непосредственно за фронтом, находились 22 стрелковые, 6 танковых и 3 моторизованные дивизии. К 1 августа численность действующей армии возрастает до 263

² Вопреки усиленно распространяемому – и успешно внедренному в массовое сознание – заблуждению, в первой «волне мобилизации» были призваны не мальчишки-школьники, а прошедшие ранее воинскую службу резервисты, включая 505 тыс. офицеров запаса.

³ Не учтены т. н. «дивизии народного ополчения» и отдельные полки; две кавдивизии или две бригады считаются за одну «расчетную дивизию»; пять воздушно-десантных корпусов учтены как две «расчетные дивизии».

дивизий. А маховик мобилизации все крутится и крутится, и на фронте появляются все новые и новые формирования...

Еще более красноречива динамика пополнения танковых войск. На восполнение потерь вермахта на Восточный фронт в течение второй половины 1941 г. поступило всего 513 танков и «штурмовых орудий», кроме того, в бой были введены две свежие танковые дивизии (2-я и 5-я), на вооружении которых числилось 380 танков. Итого – 893 танка, в том числе 631 средний. Красная Армия за тот же период получила от промышленности 5600 танков, в том числе 2200 средних Т-34 и 1000 тяжелых КВ. И это – не считая танки, которые поступили в действующую армию в составе танковых частей и соединений, переброшенных на фронт из внутренних военных округов.

Отдадим должное советским пропагандистам – они понимали, что долго удерживать первую линию обороны (т. е. откровенно и нагло врать про «многократное численное превосходство вермахта») им не удастся, и поэтому заблаговременно начала готовиться вторая линия: «Да, вооружения было много, но все оно было безнадежно устаревшим, не идущим ни в какое сравнение с военной техникой противника». Замечательный пример – в упомянутой выше статье М. Мельтюхов сообщает, что на полях рукописи 4-го тома классической советской «Истории Второй мировой войны» было сделано следующее замечание: *«Показатели по Вооруженным силам СССР, особенно по танкам – 18 600, самолетам – 15 990, слишком велики (как сказано! – М.С.). Без качественной характеристики может сложиться у читателя ложное представление о силе сторон накануне войны. Известно, что в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем...»*

Придумана эта уловка была много десятилетий назад, но особым успехом она пользуется как раз сегодня. Молодое поколение «новых россиян», уже привыкших к тому, что в магазине нельзя найти не то что радиоприемник отечественного производства, но и сделанные в России утюг, пылесос и чайник, без лишних сомнений готово поверить в то, что и Советский Союз был такой же отсталой деревней. *«В любом случае не требуется доказывать (выделено мной. – М.С.), что советская промышленность была заведомо слабее германской как по технологическому оснащению, так и по уровню квалификации рабочей силы».* Вот так, уверенно и твердо, пишет один весьма известный в узких «патриотических кругах» публицист, без тени смущения сообщая о себе: *«Не окончил два института – Свердловский государственный медицинский и Уральский государственный педагогический. Активист движения клубов любителей фантастики».*

Еще один – но не простой «любитель», а писатель фантастики («А.А. Уланов, писатель-фантаст. Родился 22 января 1976 г. в Киеве. Пишет в жанрах боевой и юмористической фантастики, фэнтези и альтернативной истории») на пару с известным блогером Д. Шейным написал целую книгу, в которой буквально «размазал по стенке» советскую оборонную промышленность предвоенной поры: *«СССР не мог, никак не мог обеспечить линию производства броневой снарядов тремя (токарь, сварщик, штамповщик) специалистами высокой квалификации, как это сделали немцы – такие люди были в советской промышленности наперечет, их распределяли по заводам поштучно...»* [21] Оцените гипнотизирующий речитатив: «не мог, никак не мог...»

Я готов безоговорочно поверить в то, что среди друзей и знакомых Уланова и Шейна даже «поштучно» нельзя найти ни одного, реально знакомого с заводским цехом. Некому объяснить молодым людям, что сочетание слов «штамповщик высокой квалификации» – это неудачная шутка. Высокая квалификация требуется от ученого, изучающего природу механической деформации металлов. Высокая квалификация потребовалась от большого коллектива инженеров, разработавших мощный гидравлический пресс. А вот от малограмотной колхозницы, которая к этому прессу будет в военное время приставлена, требуется умение выполнить три

операции: вставить заготовку, нажать на кнопку, вынуть готовую деталь. Таких штамповщиков (и кандидатов в штамповщики) в Советском Союзе были десятки миллионов.

Токарь штамповщику не чета, но и токарная работа бывает разной. Самая простая из возможных: закрепить в шпинделе токарного станка небольшую круглую (осесимметричную) деталь и проточить на ней круговую канавку. С таким заданием справится учащийся ФЗУ на первом месяце обучения. Счет токарей подобной квалификации в СССР шел не на «штуки», а на миллионы (учебная мастерская с токарным станком была в каждой школе), а ничего большего не требовалось для установки на бронебойный снаряд штампованного колпачка (аэродинамического обтекателя); т. к. упомянут еще и сварщик, то можно предположить (чертеж Уланов с Шеиным не привели), что колпачок крепился сваркой, а не тугой посадкой, т. е. допуски на размеры установочной канавки были весьма широкими. Работа как раз для мальчишки-фэзэушника...

К счастью, за последние 10–20 лет были написаны и серьезные исследования истории создания, производства и боевого применения едва ли не всех образцов советской военной техники. Прделана большая работа, изучены горы первичных документов, развеяны некоторые устоявшиеся мифы (вроде «летающего танка» Ил-2 и всепокрушающей «катюши», которую немцы якобы «даже не смогли скопировать»). В результате установлено: в целом вооружение Красной Армии находилось на уровне выше среднего, не уступая по своим тактико-техническим характеристикам – опять же, в целом и в основном – ни одной армии мира.

Активно работали в предвоенном СССР и над «чудесами техники» – не только на чертежах, но и в металле существовали гиросtabilизированные танковые прицелы, автоматы вывода самолета из пикирования, инфракрасные системы ночного видения, радиолокаторы, ракетные ускорители и пр. Да, многое (если не большинство) из вышеперечисленного было куплено или своровано на Западе, но нас в данном случае интересует не процесс, не способ, а результат.

Да, были проблемы с эргономикой военной техники, с ее конструктивной надежностью и удобством обслуживания – сказывался дефицит опытных инженерных кадров и суетливая поспешность в постановке техники на вооружение. Эти недоработки усложняли боевое применение и ремонт вооружения, но вовсе не делали то и другое невозможным. Эта истина была убедительно подтверждена на практике: финская армия в 1944 г. воевала (и как еще воевала!), используя трофейные советские самолеты, танки и артиллерийские тягачи, захваченные в 1940–1941-м годах.

И тем не менее, нельзя не признать, что *«в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем»*. Это утверждение является абсолютно истинным, но с двумя важными уточнениями. Во-первых, если за точку отсчета брать советские Т-34 и КВ, то не большинство, а все до единого танки вермахта по состоянию на 22 июня 1941 г. были «устаревших систем». Во-вторых, новейшие системы всегда, в любой армии мира, находятся в меньшинстве, а к тому времени, когда они заменят своих предшественников и станут самыми массовыми, с неизбежностью перейдут в разряд «устаревших». Это и есть гонка вооружений. Летом 1941 г. бронированный монстр КВ производил ошеломляющее впечатление как на советских, так и на немецких танкистов; к весне 45-го, рядом с тяжелыми танками серии ИС и самоходкой ИСУ-152, тот же самый КВ смотрелся очень бледно...

Новая эпоха, эпоха безудержной свободы мысли и слова породила целый букет новых, порой весьма экстравагантных, версий объяснения причин военной катастрофы 41-го года. Порог входа в дискуссию радикально снизился; это раньше для того, чтобы опубликовать статью в газете, надо было обивать пороги редакций, предъявить ордена, звания, ученую степень... Теперь все просто, и всякий, кого осенила «идея», может через всемирную Сеть oznakomить с ней всю планету.

Многие этим активно пользуются. Мне приходилось читать (и не единожды!) про то, что в штабах вермахта, оказывается, существовало страшное секретное правило, в соответствии с которым в донесениях о потерях использовался тайный «понижающий коэффициент». Одни товарищи считают, что в немецких донесениях цифры потерь занижены ровно в два раза, другие без тени смущения говорят про десятикратное («так им было считать удобнее») занижение потерь. И еще в вермахте, оказывается, безвозвратно потерянным танком считался только тот, кто уже ушел на переплавку, а все остальные, застывшие обугленными коробками на полях, в перечень потерь не включались... При всей своей фарсовости даже эти «версии» заслуживают упоминания – они еще раз подтверждают, что невероятный разгром Красной Армии, произошедший летом 1941 года, не укладывается ни в какие рамки формальной логики и настоятельно требует какого-то объяснения.

Несколько таких «объяснений» предложил молодой к.и.н. А.В. Исаев. Если мне не изменяет память, первым по счету был «догмат о плотностях». Есть в теории военного дела такие понятия: «плотность боевых порядков», «тактическая плотность». Рассчитывается этот параметр делением чего-то на геометрические размеры участка фронта, например: 15 танков на км фронта, 130 орудийных стволов на км, 250 снарядов на гектар и т. д. Иногда используется обратная дробь: 20 км на дивизию, 800 метров на батальон... В боевых уставах указаны и вполне конкретные требования к плотности построения боевых порядков – как при наступлении, так и в обороне.

Так вот г-н Исаев посчитал расстояние от Балтики до Черного моря (причем посчитал правильно, с учетом причудливо петляющей линии границы), разделил километры на количество дивизий в Первом стратегическом эшелоне Красной Армии и пришел к неоспоримому выводу: сдержать наступление вермахта не было никакой возможности! На одну дивизию приходится гораздо больше километров фронта обороны, чем установлено боевым уставом. Поражение было неизбежным!

Публику этот печальный вывод чрезвычайно обрадовал («наконец-то! все так просто, и понятно, и по науке!»), а меня несказанно огорчил. Неужели сейчас в школе уже совсем ничему не учат? Если $A > B$, то и частное от деления A на C всегда будет больше частного от деления B на C . При любом, заметьте, C . Количество советских и немецких дивизий можно поделить на ширину фронта, глубину озера Байкал, длину хвоста лошади Жукова – в любом случае, при любых ухищрениях, показатель для Красной Армии получится БОЛЬШЕ! И если 150 советских дивизий было недостаточно для обороны, то как же 120 немецких дивизий смогли на таком бескрайней фронте наступать? Да еще как наступать!

Вторая идея Исаева («меч-кладенец и золотое сечение») просто ошеломляет своей... хм, красотой. «Золотое сечение» – это организационная структура немецкой танковой дивизии (*«Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск: на 2–3 батальона танков в танковой дивизии вермахта было 4 (или 5, если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты... Именно такая организация танковых войск позволила немцам дойти до стен Москвы, Ленинграда и Киева»*). Сформированная в соответствии с такими пропорциями дивизия – это и есть, по г-ну Исаеву, всепокрушающий «меч-кладенец». А что же в Красной Армии? *«Если называть вещи своими именами, то эффективная организационная структура типа «танковая дивизия» у советской стороны отсутствовала. Наличие организационных структур с названием «танковая дивизия» не должно вводить в заблуждение – решать задачи самостоятельного танкового соединения они были неспособны... Дивизии эти были перегружены танками (выделено мной. – М.С.) и недогружены мотопехотой и артиллерией»*. [22]

Феерическая фраза про «перегруженность танковых дивизий танками» настойчиво повторяется на десятках страниц. Советские танковые войска, мощнейшие в мире, объявляются несуществующими только на том основании, что структура танковой дивизии Красной

Армии отличалась от соответствующей немецкой структуры обр. 1941 г., причем последняя объявляется непревзойденным идеалом совершенства, позволяющим творить чудеса.

Вся эта «теория» отправляется в утиль простым напоминанием о том, что и в Красной Армии были дивизии самого, что ни на есть, «золотого сечения». Разумеется, речь идет о моторизованной дивизии штата июля 1940 г. Все в ней структурно точно так, как в танковой дивизии вермахта: один танковый, два мотострелковых и артиллерийский полк. И соотношение числа танков и людей, и состав вооружения артиллерийского полка вполне сопоставимые. Вот только «чудо» если и произошло, то совсем в другую сторону...

Что же касается «перегруженности» советских танковых дивизий танками, то «перегруженность» эта, увы, существовала лишь в теории. Практически же, к началу войны среднее количество танков в дивизии было равно 208 единицам (у немцев в среднем по 200 танков в дивизиях Восточного фронта). Дальше – хуже; уже через несколько дней (в лучшем случае – через пару недель) даже в немногих изначально «перегруженных» танками дивизиях осталось по дюжине танков, вот только воевать лучше они от этого не стали. Немцы же с первых дней и часов войны решительно ломали организационные структуры мирного времени – в танковых дивизиях формировались «боевые группы» самого разнообразного количества и состава, которые и вели наступление, нисколько не заморачиваясь золотистостью своего «сечения»...

Военная неудача, тем более – быстрый и сокрушительный разгром, неизбежно влечет за собой поиски шпионов и подозрения в измене. В принципе, эта версия не столь безумна, как может показаться на первый взгляд – если доподлинно известно, что десятки генералов Красной Армии, оказавшись в плену, активно сотрудничали с противником, то нет ничего невероятного в предположении о том, что некоторые могли начать работу на врага еще до попадания в плен⁴. Более того, при всей моей нелюбви к «теории заговора» и прочим конспирологическим схемам, я не могу не признать, что версия «заговора генералов» является первой (из перечисленных в данном обзоре), которая хотя бы теоретически может быть адекватна произошедшему событию.

Плохая конструкция узла смазки верхнего левого поддерживающего катка гусеницы танка или недостаточно «золотая» организационная структура дивизии – это частности, которые изначально непригодны для объяснения катастрофы такого масштаба, которая произошла летом 41-го года с Красной Армией. А вот предательство генералов – дело серьезное, могущее иметь самые сокрушительные последствия. Наконец, некоторые реальные факты действий (а в еще большей степени – бездействия) высшего командования накануне войны не укладываются даже в самые широкие рамки безграничного российского разгильдяйства.

Дело за малым – осталось найти заговорщиков, выявить их умысел, план, контакты с врагом. Ничего подобного по сей день никем не сделано. То, о чем пишут наши знатные конспирологи (Козинкин, Мартиросян, Мухин), настолько нелепо, что принять это всерьез может только тот, кто и без лишних аргументов верит «и в сон, и в чох, и в птичий гай». Пресловутые «генералы-заговорщики» ведут себя как-то очень нелогично: они не пытаются объединить и скоординировать свои усилия, но «изменяют поочередно», друг за другом, из месяца в месяц: от окружения и гибели Западного фронта в июне 41-го через еще большую по размаху и последствиям катастрофу под Киевом (сентябрь 1941 г.) и Вязьмой (октябрь 1941 г.) до сокрушительного и позорного разгрома в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г.

⁴ 19 августа 1941 г. начальник Генерального штаба РККА, генерал армии г. К. Жуков направил Сталину такой доклад: *«Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей...»* (Русский Архив, т.16, Великая Отечественная, Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год – М.: ТЕРРА, 1995. С. 361).

На свою беду, сочинители «теории заговора» дружно набросились на генерала армии Д.Г. Павлова, командующего Западным фронтом; «беда» же их в том, что история эта (в отличие от многих подобных) хорошо известна – протоколы допроса и суда над Павловым опубликованы еще в 1992 г. Из документов следует, что даже проведенное известными методами «следствие» не смогло найти никаких следов связи Павлова с немцами. Стоит также отметить, что «изменник» Павлов в ночь на 22 июня, не имея на то разрешения из Москвы (!), отдал приказ о боевой тревоге со вскрытием «красных пакетов». В дальнейшем он не предпринял и малейших попыток перейти к противнику (что в обстановке полного развала фронта было совсем не сложно), более того, послушно «понес повинную голову» в Москву, куда был вызван «на ковер» в первых числах июля; получив новое назначение (заместитель командующего Западным фронтом), немедленно выехал из Москвы на фронт.

Наконец, крайнее изумление вызывает отсутствие со стороны мифических «заговорщиков» малейшей попытки сделать то единственное, что только и могло привести «заговор» к успеху: арестовать (или убить) Сталина. Обратиться к народу, армии, красноармейцам в немецком плену с призывом к антисталинскому восстанию «заговорщики» также забыли. Воля ваша, но так заговоры не устраивают...

Естественным завершением, кульминационной точкой строительства «теории заговора» стала идея о том, что заговорщик был один, и пробрался он на самую вершину государственной власти, а звали его – Сталин. У этой версии есть несколько вариантов.

Непревзойденный рекорд абсурда установил некий г-н Осокин. [23] Его сенсационное «открытие» заключается в том, что Сталин якобы заключил с Гитлером наисекретнейшую договоренность, в соответствии с которой Красная Армия концентрировалась у западных границ СССР для того, чтобы сесть в вагоны и отправиться... к берегам Ла-Манша, завоевывать Англию! В качестве ответной любезности Сталин якобы разрешил немецким войскам проехать через территорию Советского Союза в Иран. Однако Гитлер подло обманул Сталина: немцы повыскакивали из вагонов с автоматами и «засученными рукавами» (последнее обстоятельство г-н Осокин особо отмечает) и разгромили Красную Армию, которая – опять же, по условиям тайного соглашения Сталина с Гитлером – ехала к Ла-Маншу налегке, без снарядов и патронов. В качестве одного из косвенных подтверждений своей гипотезы г-н Осокин приводит факт выдачи личному составу некоторых частей Красной Армии трусов вместо кальсон – в трусах, по его мнению, удобнее форсировать Ла-Манш.

Казалось бы, сей феерический бред не заслуживает даже малейшего упоминания – однако обнаружили и другие мнения. Книга Осокина была издана в прекрасном полиграфическом исполнении, затем на бюджетные деньги был снят «документальный» (как это?) фильм, с большой помпой презентованный в Москве; талантливый «первооткрыватель» раздал множество интервью для центральных российских СМИ. Вот эти чудеса объяснить, не прибегая к конспирологическим версиям, действительно трудно.

Еще одну (правда, не столь экстравагантную) версию высказали супруги-пенсионеры Я. Верховский и В. Тырмос. И не просто высказали, но и материализовали ее в виде книги, изданной издательством «Олма-Пресс», известным своим плодотворным сотрудничеством с архивной службой ФСБ. [24] Более того, если верить заявлениям авторов, книга была включена в некий «перечень рекомендуемой литературы», каковой перечень Администрация Президента Российской Федерации якобы рассылает губернаторам и иным высокопоставленным государственным чиновникам.

Верховский и Тырмос подробно развили давно уже присутствующую в блогосфере идею о том, что Сталин преднамеренно позволил Гитлеру нанести сокрушительный первый удар по Красной Армии. Зачем? А для того, чтобы предстать перед миром и, прежде всего, перед президентом США в качестве «жертвы агрессии» и получить за это помощь по ленд-лизу.

Нелепость подобного предположения очевидна. Закон (билль) о ленд-лизе имел официальное наименование «Закон Содействия Обороне США». В нем ничего не было сказано об «агрессии», «жертве агрессии» и пр. Закон предоставил президенту Соединенных Штатов право самостоятельно – без санкции конгресса – принимать решение о передаче вооружения, боеприпасов, иной военной техники странам, поддержка которых важна для обороны США. Для обороны США. Никаких «благотворительных целей», никакой рыцарской «заботы о вдовах и сиротах» закон не предусматривал.

Практически первым и главным (по совокупному объему поставок) получателем ленд-лиза стала Великобритания. И этому отнюдь не помешало то обстоятельство что, формально говоря, «первый выстрел» сделали англичане: Англия объявила войну Германии (а не наоборот), и именно английская авиация нанесла 4 сентября 1939 г. первый бомбовый удар по территории противника; французская армия, ближайший союзник Великобритании, также первой вторглась на территорию Германии 9 сентября 1939 г. Разумеется, принимая решение о политической и военной поддержке Англии и Франции в их войне против гитлеровской Германии, президент и конгресс США руководствовались не юридическим крючкотворством на тему «кто выстрелил первым», а оценкой реальных целей войны и реальных интересов Америки.

Что же касается «репутации» товарища Сталина, то в июне 41-го спасти ее было уже поздно. После всего, что произошло в 1939–1940 годах, после раздела Польши, демонстративно и нагло оформленного «Договором о дружбе и границе» с Гитлером, после агрессии против Финляндии и аннексии трех прибалтийских государств (Эстонии, Латвии и Литвы) никаких шансов предстать перед американцами в качестве невинной жертвы у Сталина не было. «Чума на оба ваши дома» – вот и все, что мог сказать любой гражданин США по поводу драки за передел разбойничьей добычи между Сталиным и Гитлером, в каких бы формах эта драка ни началась. И если в конечном счете Великобритания и Соединенные Штаты признали СССР в качестве своего союзника, то это было обусловлено суровой прозой «реальной политики», а вовсе не романтическим стремлением помочь «невинной жертве агрессии».

Незаурядную идею сформулировал Н. Вольский. Он также считает, что Сталин преднамеренно позволил Гитлеру нанести первый – и не просто первый, но и весьма успешный – удар. Мотивы такого решения Вольский объясняет гораздо серьезнее: *«У кадровой армии (а если брать шире, то и у населения страны в целом) не было мотивации для серьезной войны... Уже в Финляндии выяснилось, что победного марша не получается... Поэтому для осуществления своих планов – действительно, завоевательных – Сталину требовалось реально мотивировать своих подчиненных, начиная от маршалов и кончая сменным мастером на уральском заводе. Заставить всех воевать не на жизнь, а на смерть, могла только смертельная угроза всеобщему существованию».* [25]

Звучит логично – но совсем не похоже на стиль и метод тов. Сталина. Как известно, Хозяин отличался большой осторожностью, сдержанностью, осмотрительностью – на грани трусости (малоизвестный факт: тов. Сталин не подписал распоряжение о проведении испытания первой атомной бомбы, так за подписью тов. Берия ее и бабахнули). А то, о чем пишет Н. Вольский, требовало готовности пойти на отчаянный риск, ибо никто заранее не мог предугадать – как отреагирует страна и армия на первые поражения: «приливом холодного бешенства и готовности стоять до конца» (так советский посол в Лондоне И. Майский описывал реакцию англичан на первые бомбардировки люфтваффе) или массовым дезертирством?

Наконец, совершенно несовместимо с намерением «дать Гитлеру немножко попообеждать» размещение в приграничных округах гигантских запасов военного имущества. Если бы намерения Сталина были именно таковы, как их описывает Н. Вольский, то в приграничной полосе «на закляние» оставили бы десятка два стрелковых дивизий, а главные силы кадровой

армии, включая драгоценные (во всех смыслах этого слова) мехкорпуса, оказались бы к востоку от Днепра и Западной Двины...

Контрольная работа

Мы не случайно уделили выше столь много места рассмотрению арифметики потерь немецкой и советской армий. Именно вопрос о том, почему потери Красной Армии оказались в десятки раз выше потерь вермахта, подводит нас к разгадке мрачной «тайны» лета 41-го года. У потерь этих очень разная структура. Если у немцев на одного убитого приходится в среднем трое раненых, то в Красной Армии безвозвратные потери в три-четыре раза больше санитарных потерь.

Как такое может быть? Не могла же анатомия и физиология советского и немецкого человека радикально различаться? Разумеется, дело совсем не в анатомии; летом 41-го года в частях Красной Армии безвозвратные потери состояли главным образом (в некоторых случаях – почти полностью) из дезертиров и плененных, убитых же было в 5–6–7 раз меньше. «Войска разрозненными группами разбрелись по лесам», как пишет в своих мемуарах генерал Болдин (в начале войны – заместитель командующего Западным фронтом).

Анализ структуры потерь личного состава подсказал дальнейшее направление исследования. Не менее красноречивыми оказались и потери боевой техники (их динамика, структура, соотношение с потерями аналогичной техники до и после 41-го года, сравнение с потерями противника). После этого оставалось только «подкрутить резкость» и внимательно, по дням и часам рассмотреть реальный ход боевых действий первых недель войны. Таким образом удалось сформировать целостную картину военной катастрофы лета 41-го года.

Результаты работы были изложены мною в книге под названием «Бочка и обручи» (первый тираж вышел в свет в 2004 г.), затем в 2008 г. радикально переработанный вариант этой книги издавался под названием «22 июня. Анатомия катастрофы». Основная концепция была развита и дополнена в книге «23 июня: день «М». Весьма показательным для понимания реального состояния советских Вооруженных сил является история начала 2-й советско-финской войны, подробно рассмотренная в книге «25 июня – глупость или агрессия?». Авиационной «составляющей» истории разгрома 41-го года были посвящены книги «На мирно спящих аэродромах» и двухтомная «Новая хронология катастрофы».

В конечном счете сформировался некий «корпус работ», в котором подробно рассмотрен и предметно аргументирован следующий вывод: главная причина поражения лежит вне сферы проблем оперативного искусства, тактики, количества и качества вооружений. В самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА. На полях сражений 1941 г. встретились не две армии, а организованные и работающие как отлаженный часовой механизм Вооруженные силы нацистской Германии с одной стороны, и огромная вооруженная толпа – с другой.

Причины превращения Красной Армии в неуправляемую толпу не имели ничего общего с пресловутым «отсутствием средств связи». **И причиной, и следствием, и главным содержанием процесса стихийного распада армии стали массовое неисполнение приказов, массовое дезертирство (как явное, так и скрытое), массовая сдача в плен.** Советский Союз оказался не готовым к войне с точки зрения «человеческого фактора». В полном противоречии с тем, что десятилетиями вдалбливала советская пропаганда, Красная Армия уступала противнику не в числе пушек, танков и пулеметов, а в готовности, умении и желании солдат исполнить свой долг. В столкновении с настоящим, упорным и стойким противником выяснилось, что **в Красной Армии было много танков, но мало мотивации для вооруженной борьбы.**

Шесть лет назад, в предисловии к «Анатомии катастрофы», я писал: *«Использованная источниковая база имеет явный недостаток: она неполна, фрагментарна и составлена главным образом именно теми людьми, которые в силу своих служебных и партийных обязанностей имели целью скрыть правду об обстоятельствах и причинах катастрофического разгрома Красной Армии... Строго говоря, в этой книге нет ни одного нового документа или факта»*. Та книга, которую вы сейчас держите в руках, сделана совершенно иначе – в ней принципиально и последовательно проигнорированы все и всякие сочинения советских «историков»; если они пару раз встречаются в перечне использованной литературы, то это значит, что использованы они были в качестве иллюстрации к какому-то запредельному вранью.

Та же участь постигла и мемуары советских генералов; Бог им всем судия, но сегодня, имея возможность сравнить с реальными документами и фактами то, что они написали (а точнее говоря – что написали за них идейно подкованные «литработники»), трудно избавиться от чувства неловкости и стыда. А если и есть в этом мутном потоке сверкающие крупинки правды, то добыча такого «золота» слишком трудоемка, утомительна, ненадежна; сегодня уже проще воспользоваться первичными архивными документами.

Мои первые книги предоставили читателю новые выводы из общеизвестных (правильнее и честнее сказать – из доступных, но проигнорированных двумя поколениями историков) фактов. В последней книге все точно наоборот: здесь нет новых (новых по отношению к моим прежним работам) выводов, все выводы «старые», но на этот раз они подкреплены тысячами страниц документов из российских и немецких военных архивов; по большей части документы эти ранее никогда не публиковались.

Можно сказать, что эта книга является «контрольной работой». Проверкой и уточнением предыдущих книг. Можете также считать ее «контрольным выстрелом» в набитое опилками чучело советской псевдоистории; теперь ему место – только на свалке.

Часть 1

Накануне

Глава 1.1

Красная Армия обр. 1941 г

В этой главе (как и во всей книге в целом) мы не будем обсуждать процесс, в результате которого Советская Россия, дотла разоренная в ходе многолетней войны (с 1914 по 1920 г.), превратилась в мощнейшую военную державу. Об этом и без того много написано, а нас в данном случае – для изучения и понимания хода боевых действий первых недель советско-германской войны – интересует не метод, не процесс, а конечный результат. Ограничимся лишь короткой цитатой из одного вполне официального документа. 2 апреля 2008 г. Государственная дума приняла специальное Заявление, посвященное памяти жертв голодомора. Там, в частности, сказано: *«В результате голода, вызванного насильственной коллективизацией, пострадали многие регионы РСФСР, Казахстана, Украины, Белоруссии. От голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932–1933 годах там погибло около 7 млн человек. Народы СССР заплатили огромную цену за индустриализацию, за гигантский экономический прорыв, произошедший в те годы...»*

Семь миллионов. Ни одна страна Западной Европы (не считая самой Германии) не понесла в годы Второй мировой войны таких жертв, которые подданные Сталина еще в так называемые «мирные годы» принесли на алтарь форсированной милитаризации СССР. Заставить людей работать Сталин и его соратники умели. Можно (и нужно) спорить о том, насколько рационально были организованы эти великие труды с точки зрения критерия «цена – результат». В любом случае «цена» беспокоила Сталина мало, а результат вышел огромный. Весомый, грубый, зримый.

Циклопические горы накопленного оружия позволили создать крупнейшую в мире сухопутную армию, в составе которой к лету 1941 г. числилось **198 стрелковых** (в том числе 19 горнострелковых), **61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских дивизий. Всего 303 дивизии.** А также **94 корпусных арtpолка и 74 арtpолка РКК, 10 ПТАБРов** (противотанковая артиллерийская бригада РКК), **16 воздушно-десантных бригад.** По принятой традиции, мы не стали включать в этот перечень весьма многочисленные части и соединения войск НКВД.

Стрелковая дивизия

Основой армий первой половины XX века, главной силой в обороне, единственным инструментом, с помощью которого можно было занять территорию и закрепить ее за собой в ходе наступления, была пехота. *«Любая карта с обстановкой на Восточном фронте покажет, что как на главных направлениях большинства оборонительных сражений, так и на участках многочисленных прорывов, действовали прежде всего пехотные дивизии»* (Миддельдорф).

Главным «кирпичиком», основной тактической единицей была пехотная («стрелковая»), как она называлась в Красной Армии) дивизия. При конструировании этого весьма сложного и многогранного «кирпичика» необходимо было решить две задачи. Во-первых, обеспечить максимально возможную способность дивизии к самостоятельным, автономным действиям; дивизия (в идеале) должна все делать сама: подавить противника огнем, обеспечить свои дей-

ствия разведкой и связью, взорвать мост при отступлении, навести паромную переправу при наступлении, ремонтировать свою боевую технику, лечить заболевших лошадей и чинить конскую упряжь. Во-вторых, во всех этих компонентах дивизия собственной армии не должна уступать дивизиям потенциальных противников.

Последний аспект стоит рассмотреть подробнее. Несмотря на то, что состав, структура и вооружение стрелковой дивизии Красной Армии и пехотной дивизии вермахта не представляют сегодня никакого секрета, несмотря на то, что на бумаге и в Интернете можно без труда найти всю необходимую информацию, вплоть до полного штатного расписания дивизии с перечислением всех положенных ей шорников, почталыонов, гуртовщиков скота и пропагандистов, безграмотные рассуждения о том, что «советская дивизия была вдвое слабее немецкой», все еще не сходят со страниц сочинений отечественных «историков» и журналистов.

Поскольку речь идет о пехоте, то с пехотных подразделений мы и начнем. В стрелковой дивизии Красной Армии три пехотных (стрелковых) полка, по три батальона в каждом. И в немецкой пехотной дивизии три пехотных полка, по три батальона в каждом. Имеет место почти полное тождество. За словом «почти» скрывается некоторое, не принципиально важное, но превосходство советской дивизии. Уже на уровне мельчайшей частички – стрелкового отделения – в дивизии Красной Армии чуть больше людей (11 вместо 10). В немецком пехотном полку взвод связи, а в советском стрелковом полку – рота связи; у немцев саперный взвод, а в полку Красной Армии – саперная рота; аналога роты ПВО и взвода пешей разведки в пехотном полку вермахта нет вовсе. В конечном счете общая численность личного состава стрелкового полка Красной Армии несколько больше численности пехотного полка вермахта: 3182 против 3049 человек.

Разумеется, сравнение одного только количества людей мало о чем говорит применительно к армии XX века (впрочем, уже и в сражениях II века до н. э. всадников считали отдельно от пехотинцев, лучников не смешивали «в одной куче» с тяжеловооруженными латниками и т. д.). Гораздо важнее оценить вооружение советской и немецкой пехоты.

Основой системы огня пехотных частей и подразделений были пулеметы⁵. В советской дивизии один ручной пулемет на стрелковое отделение, и в немецкой – один ручной пулемет на отделение. В советской стрелковой роте 12 ручных пулеметов, и в немецкой пехотной роте 12, в батальонах, соответственно, 36 и 36. С учетом вооружения подразделений полкового уровня всего в стрелковом полку советской дивизии 116 ручных пулеметов, в немецком пехотном полку – 115.

А вот станковых, т. е. более мощных, обеспечивающих лучшую точность и практическую скорострельность пулеметов, в советской дивизии значительно больше. В немецкой пехотной роте станковых пулеметов нет вовсе, а в стрелковой роте Красной Армии есть пулеметный взвод с 2 «максимами». В каждом батальоне, как советской, так и немецкой дивизии, по одной пулеметной роте. В общем итоге в стрелковом полку советской дивизии набирается 54 станковых пулемета, в немецком пехотном – только 36. Разница в плотности огня уже вполне ощутимая.

Второй (меньшей) составляющей огневой мощи пехотных подразделений были винтовки. Количество их было примерно одинаковым (123 единицы в стрелковой роте Крас-

⁵ Совокупный боекомплект патронов в пехотном батальоне вермахта включал в себя 58 тыс. патронов для ручных и станковых пулеметов и всего 24 тыс. патронов для винтовок. Советский норматив 1938 г. «расхода боеприпасов на день напряженного боя» предполагал расход 20 патронов на винтовку и 620 патронов на ручной пулемет, таким образом, уже на уровне отделения пулеметчик расходовал в три раза больше патронов, чем все стрелки вместе взятые; в стрелковом батальоне, с учетом наличия на его вооружении станковых пулеметов с нормативом 1400 патронов на день боя, перевес пулеметного огня над винтовочным становится еще более заметным.

ной Армии и 130 в пехотной роте вермахта). Существенно различным было качество, точнее говоря – тип используемого оружия.

Немецкий пехотинец был вооружен винтовкой Маузера, затвор которой (так же, как на русской «трехлинейке» Мосина) надо было передернуть «назад-вперед» после каждого выстрела. При этом неизбежно сбивалась наводка, и прицеливание приходилось повторять заново, как следствие – значительное снижение практической скорострельности. Красная Армия накануне войны перевооружалась на самозарядную винтовку Токарева (СВТ-38/40) с магазином на 10 патронов, которая обеспечивала существенно большую скорострельность и плотность огня стрелковых подразделений⁶. Винтовка эта могла на тот момент считаться одним из лучших в мире образцов стрелкового оружия, подтверждением чему может, в частности, служить тот факт, что трофейные СВТ были официально приняты на вооружение вермахта.

По штатному расписанию на вооружении стрелковой роты Красной Армии должно было быть 96 СВТ и 27 обычных «трехлинейек», причем последними вооружались ездовые, писаря, посыльные, бойцы расчета станкового пулемета и миномета, т. е. те, у кого необходимость стрелять из винтовки могла возникнуть лишь во «внештатной ситуации». В дивизии всего 27 стрелковых рот. Для того, чтобы полностью обеспечить их самозарядными винтовками, требовалось 2,6 тыс. СВТ; в целом же по штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось 3307 самозарядных винтовок. Фактически к началу войны советская промышленность выпустила порядка 1 млн СВТ, чего с большим запасом хватало для оснащения всех стрелковых дивизий Красной Армии.

Всего же, всех типов винтовок и карабинов, в Красной Армии числилось 7740 тыс. шт. [30] В среднем по 33 тыс. на каждую из 236 «расчетных» стрелковых дивизий⁷. Принимая во внимание, что по штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось иметь 10 420 винтовок и карабинов, реальную ситуацию можно обозначить словами «три винтовки на одного». Пулеметов (особенно станковых «максим», производство которых в России/СССР продолжалось несколько десятилетий) также было накоплено очень много. В среднем по 722 ручных и 323 станковых на одну «расчетную дивизию». Примерно вдвое больше штатной потребности.

Что же касается так называемых «автоматов» (МП-40 в вермахте, ППД и ППШ в Красной Армии), то это оружие под pistolетный патрон, с дальностью действительного огня не более 200 метров. Их роль в общей системе огня пехотного (стрелкового) полка была ничтожно мала. В вермахте pistolетами-пулеметами вооружались командиры подразделений (всего 16 МП-40 на вооружении пехотной роты), разведчики, саперы, но при этом никаких специальных подразделений «автоматчиков» в штатном расписании пехотной дивизии вермахта не было вовсе (что, конечно же, не исключало возможность создания импровизированных боевых групп, вооруженных «автоматами» и наводящих панику в тылу деморализованных войск противника). В целом pistolетами-пулеметами было вооружено менее 5 % личного состава пехотной дивизии вермахта. В Красной Армии теоретически эта цифра должна была составить 9 % (1204 единицы на дивизию), но фактически к началу войны их было раза в три меньше.

Одним только стрелковым оружием вооружение пехотного полка не ограничивалось; в армиях середины XX века пехотный полк имел собственное артиллерийское вооружение: минометы и легкие пушки. Количество и порядок распределения минометов в советской и немецкой дивизиях абсолютно одинаковые: 9 легких (50-мм) и 6 средних (81/82-мм) минометов в каждом пехотном (стрелковом) батальоне, еще 3 легких миномета в разведывательном батальоне. Итого 84 легких и 54 средних минометов на дивизию.

⁶ Тов. Сталин, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании высшего состава Красной Армии, говорил: «Боец, у которого 10-зарядная винтовка, он в три раза больше пуль выпустит, чем человек с нашей винтовкой. Боец с самозарядной винтовкой равняется трем бойцам...»

⁷ Фактически 198 стрелковых и 31 моторизованная; 13 кавдивизий, исходя из численности личного состава в них, считаются как 7 стрелковых.

Количество и калибр легких полковых пушек также полностью совпадает: по шесть «трехдюймовок» в полку (правда, с учетом двух таких пушек на вооружении разведбата, пехотная дивизия вермахта имела 20 легких орудий против 18 в стрелковой дивизии Красной Армии). Но вот сами артсистемы были весьма различными. Основная задача полковой артиллерии заключается в том, чтобы, находясь непосредственно в боевых порядках наступающей пехоты, подавлять огневые точки (пулеметы) противника. Соответственно, от такого орудия не требуется ни большая дальность стрельбы, ни особая мощность снаряда, но вес орудия должен позволять расчету катить его по полю боя собственными силами.

Германское командование решило, что главное для полковой пушки – малый вес. В результате была создана система калибра 75 мм, с необычайно низкой начальной скоростью снаряда (221 м/сек, что более соответствует параметрам миномета, нежели орудия ствольной артиллерии) и при этом очень легкая – всего 400 кг. Еще одной особенностью немецкого пехотного орудия было раздельное заряжание (снаряд и метательный заряд не связаны в единую конструкцию), что в сочетании с большими углами возвышения ствола позволяло на малых зарядах обстреливать навесным огнем близкорасположенные цели. Заплатить за это пришлось существенным снижением скорострельности по сравнению с унитарным заряжением.

В Красной Армии пошли другим путем. Советская 76-мм полковая пушка обр. 1927 г. весила вдвое больше немецкого «легкого пехотного орудия», но и разгоняла снаряд до скорости 387 м/сек (кинетическая энергия в 3,5 раза больше); использование унитарного выстрела обеспечивало более высокую скорострельность. В результате: большая точность и дальность стрельбы, возможность поражения малоразмерных и подвижных целей, а на очень коротких дистанциях – даже легкие танки.

С тяжелым артиллерийским вооружением пехотного полка немцы явно ошиблись. 150-мм «тяжелое пехотное орудие» представляло собой «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Ни в одной армии мира, ни до ни после, таких систем в полковой артиллерии не было. Огромный вес (1750 кг в боевом положении) делал практически невозможным перемещение орудия силами расчета по пересеченной местности, а никаких механических транспортеров для него в пехотном полку не было. С другой стороны, очень низкая начальная скорость снаряда (240 м/сек, меньше, чем у советского 120-мм миномета) и обусловленная этим малая дальность стрельбы (4700 м) делали невозможным использование системы в качестве полноценной гаубицы (не говоря уже о том, что в структуре пехотного полка не было подразделений – связь, корректировка, инструментальная разведка, – которые могли бы обеспечить боевое применение тяжелой гаубицы)

Таких «чудо-орудий» в пехотном полку вермахта было два. А на вооружении стрелкового полка Красной Армии было четыре 120-мм миномета. Четыре в два раза больше, чем два, и это еще не вся разница. Советский миномет весил в шесть раз меньше немецкого «тяжелого пехотного орудия», и его перемещение на поле боя особых проблем не создавало. Поражающее воздействие (в артиллерии это называется странно звучащим выражением «могущество снаряда») 16-кг мины 120-мм миномета было вполне достаточным для разрушения основных типов целей (пулеметные гнезда, блиндажи с легким перекрытием) – а ничего большего от полковой артиллерии и не требовалось. Окончательный итог подвела практика войны – начиная с 1943 г. немцы стали выводить 150-мм орудия из состава вооружения пехотных полков, заменяя их четырьмя 120-мм минометами.

На момент начала войны все положенное стрелковому полку Красной Армии артиллерийское вооружение существовало в натуре. Причем с некоторым запасом. На каждую из 236 «расчетных» дивизий в среднем приходилось 154 миномета калибра 50 мм (вместо 84), 62 миномета калибра 82 мм (вместо 54), 16 минометов калибра 120 мм (вместо 12), 20 полковых 76-мм пушек (вместо 18). [30, 33]

Подведем первый, короткий и бесспорный итог: по своему вооружению советский стрелковый полк ни в чем не уступал пехотному полку вермахта, а во многих аспектах и превосходил его.

Сравнение вооружения артиллерии стрелковой дивизии Красной Армии и пехотной дивизии вермахта приводит к еще более простому и однозначному выводу. В советской дивизии два артполка, всего пять артиллерийских дивизионов. В германской пехотной дивизии один артиллерийский полк, всего четыре артиллерийских дивизиона. Дивизионная артиллерия советской дивизии насчитывает 60 стволов, немецкой – 48 стволов. Совокупный вес залпа составляет, соответственно, 1300 кг и 1100 кг. Очевидное превосходство по всем трем параметрам.

Однако такой простой арифметикой превосходство артиллерии советской дивизии не исчерпывается; надо еще оценить сами «стволы». Но для начала – немного необходимой теории.

Все артсистемы делятся на два основных типа: пушки и гаубицы. Разницу между ними проще всего проиллюстрировать конкретным примером. На вооружении вермахта была 105-мм пушка и 150-мм гаубица. Вес систем в боевом положении почти одинаковый (5640 и 5510 кг соответственно), энергетика также весьма схожая (5,23 мДж и 5,82 мДж). Вот только используются эти мегаджоули совсем по-разному: в пушке легкий 15-кг снаряд разгоняется до скорости 835 м/сек (что, кстати, в 2,5 раза больше скорости звука у земли), гаубица же бросает гораздо более тяжелый (43 кг) снаряд со скоростью всего в 520 м/сек.

Разница в технических параметрах обуславливает и существенную разницу в тактике боевого применения. Пушка стреляет настильным огнем (на дистанции выстрела высокоскоростной снаряд движется почти параллельно земной поверхности), прямой наводкой по малоразмерным и/или подвижным целям. Гаубица бросает свой снаряд так, как бросали камни боевые катапульты Древнего мира – высоко в небо. Навесной огонь гаубиц часто ведется с закрытых позиций (т. е. противники не видят друг друга, а управление огнем осуществляется с использованием внешних корректировщиков – наземных или воздушных). Пушка незаменима при стрельбе по танкам, самолетам, амбразурам ДОТов, зато гаубица способна поражать цели, укрытые за обратными скатами высот. При равном весе орудия снаряд гаубицы всегда будет значительно тяжелее и мощнее; с другой стороны, вероятность попадания в малоразмерную цель у гаубицы невысока, а управление гаубичным огнем требует серьезных усилий и ресурсов.

Как видим, применительно к сравнению гаубиц с пушками абсурдно использование слов «лучше» или «хуже»; это разные инструменты для решения разных задач, причем решение этих задач одинаково необходимо для победы в бою. Именно поэтому не иначе как ошибкой следует признать тотальную «гаубизацию» артиллерии пехотной дивизии вермахта. В немецком артиллерийском полку были только гаубицы: 12 тяжелых 150-мм (один дивизион) и 36 легких 105-мм (три дивизиона). А если к этому добавить отсутствие «нормальных» (т. е. с высокой начальной скоростью снаряда) пушек в полковой артиллерии, то получается, что инструмента для поражения точечной подвижной цели в пехотной дивизии вермахта не было вовсе.

Последствия этого отчетливо проявились уже в июне 41-го (о чем будет сказано в десятках документов, которые ждут нас в следующих разделах книги), когда на поле боя появилась такая подвижная точечная цель, как тяжелый танк КВ. Немецкие командиры и солдаты с ужасом обнаружили, что перед этим противником они просто безоружны – противотанковые 37-мм «колотушки» оставляли на броне стального монстра лишь малозаметные вмятины, а более мощной пушки в составе штатного вооружения пехотной дивизии вермахта не было⁸.

⁸ В пехотные дивизии т. н. «1-й волны» (одна четвертая от общего числа пехотных дивизий вермахта на Восточном фронте по состоянию на июнь 1941 г.) были 50-мм противотанковые пушки в количестве 2 единицы на пехотный полк; впрочем, и

Состав вооружения артполков стрелковой дивизии Красной Армии гораздо разумнее, возможности боевого применения – шире. Из пяти дивизионов три гаубичные (12 тяжелых 152-мм и 24 легкие 122-мм), один пушечный (12 длинноствольных 76-мм «дивизионок») и один смешанный (4 пушки и 8 легких гаубиц). С учетом того, что советская «легкая» гаубица калибра 122-мм имела в полтора раза более тяжелый снаряд, нежели немецкая 105-мм, гаубичная артиллерия советской стрелковой дивизии (всего 44 ствола) дает совокупный вес залпа больший, чем гаубичная артиллерия немецкой пехотной дивизии (48 стволов). И при этом в дополнение к гаубицам в распоряжении командира советской стрелковой дивизии есть еще и 16 пушек, энергетика которых позволяла пробить лобовую (т. е. самую прочную) броню любого немецкого танка на километровой дальности.

Совсем мало времени займет у нас сравнение зенитного вооружения советской и немецкой дивизии. Тут все просто – на вооружении пехотной дивизии вермахта зенитных средств нет. То есть вообще нет. В это трудно поверить, трудно понять – чем и о чем думали немецкие генералы, составляя такое штатное расписание (книжек советских историков про то, как «на рассвете, ударом по мирно спящим аэродромам вся советская авиация...» тогда еще не было), но от атак с воздуха немецкой пехотной дивизии отбиваться было нечем. А у стрелковой дивизии Красной Армии свой собственный зенитный дивизион, которому по штатному расписанию полагается 8 автоматических 37-мм пушек и 4 средних 76-мм зенитки. И этим перечень зенитных средств стрелковой дивизии отнюдь не исчерпывается.

В каждом стрелковом полку имеется своя рота ПВО, которой по штатному расписанию положено иметь 3 крупнокалиберных (12,7 мм) пулемета ДШК и 6 установок счетверенных пулеметов «максим». В артиллерийских полках по одной счетверенной установке придано каждому из пяти дивизионов. Да, можно согласиться с тем, что такими зенитными средствами можно было скорее напугать летчика, нежели сбить вражеский самолет – так ведь у стрелковой дивизии и задачи другие, нежели у истребительного авиаполка, и если удалось заставить противника занервничать, отклониться от боевого курса, выйти раньше времени из пикирования, то свою работу зенитчики войсковой ПВО выполнили полностью. Да, в данном компоненте реальное наличие вооружения сильно отличалось от штатного: 37-мм автоматы только начали поступать в войска, пулеметов ДШК также повсеместно не хватало; однако выборочное знакомство с документами показывает, что по 10–12 зенитных «стволов» разных типов набиралось почти в каждой дивизии. Мало, спору нет, но у немцев не было ни одного.

Теперь обратимся к такому важнейшему для армий середины XX века показателю, как наличие средств активной противотанковой обороны. На уровне пехотного (стрелкового) полка имеет место полное тождество – по 12 противотанковых пушек на полк. Только пушки разные: в Красной Армии калибра 45 мм, в вермахте – калибра 37 мм. Некоторые товарищи (например, к.и.н. А. Исаев) долго и упорно объясняли публике, что *«характеристики 37-мм немецкой и 45-мм советской пушек при разных калибрах были сходными как по фугасному действию, так и по возможностям поражения бронестрелков»*. [26] Чудес, однако же, не бывает, а объем и вес тела возрастает пропорционально третьей степени геометрических размеров; соответственно, даже при соблюдении полного геометрического подобия снаряд калибра 45 мм будет в 1,8 раза тяжелее снаряда калибра 37 мм. Но никто не обязывал советских конструкторов сохранять геометрическое подобие, и они разработали для 45-мм пушки осколочный снаряд весом в 2,14 кг, в то время как осколочный снаряд немецкой 37-мм пушки весил 0,62 кг – в три раза меньше!

это мало что меняло практически, т. к. пробить стандартным бронебойным снарядом броню KV такая пушка могла, лишь стреляя в упор).

Тут еще важно отметить, что использование «сорокапятки» в качестве легкого пехотного орудия не было вынужденной импровизацией – такая тактика боевого применения была предусмотрена изначально; в составе штатного боекомплекта 45-мм противотанковых пушек осколочные выстрелы составляли три четверти (!) от общего количества. И снаряды эти были не только на бумаге – миллионы 45-мм выстрелов лежали на складах, план 1941 г. предусматривал выпуск 8,3 млн. осколочных 45-мм выстрелов (и «всего лишь» 2,2 млн бронбойных). [27]

Что же касается главного, т. е. борьбы с танками противника, то в этом смысле возможности немецкой 37-мм и советской 45-мм пушки, действительно, были равны (несмотря на то, что по начальной кинетической энергии бронбойного снаряда советская система вдвое превосходила немецкую). И та, и другая уверенно поражала легкие танки с противопульным бронированием и оказалась практически бесполезной⁹ при встрече с тяжелыми танками нового поколения (подробнее мы это обсудим в следующей главе).

Если на уровне полка количество противотанковых пушек в немецкой пехотной и советской стрелковой дивизиях одинаковое, то на следующем уровне появляется радикальное различие. В распоряжении командира советской дивизии противотанковый дивизион (18 45-мм пушек), а у командира пехотной дивизии вермахта целый противотанковый батальон¹⁰ (три роты по 12, всего 36 пушек калибра 37 мм). Казалось бы, уж в этом-то случае у немецкой дивизии появляется явное превосходство.

Но не будем спешить с выводами. Противотанковый батальон – это все, что командир пехотной дивизии вермахта может направить в район намечающегося прорыва танков противника. Никаких других пушек, способных бороться с танками, в пехотной дивизии вермахта нет (что уже было отмечено выше). А для командира стрелковой дивизии Красной Армии противотанковый дивизион – лишь один из многих инструментов борьбы с танками. Есть еще 16 длинноствольных 76-мм пушек (начальная скорость снаряда 650–680 м/сек) в составе артиллерийского полка. Летом 1941 г. они гарантированно пробивали лобовую броню любого танка вермахта. Есть еще более мощные 76-мм зенитные пушки в количестве 4 единиц в составе дивизиона ПВО. В сумме это уже дает $18 + 16 + 4 = 38$ «стволов». Больше, чем в противотанковом батальоне пехотной дивизии вермахта, и несравненно лучше. А некоторые стрелковые дивизии успели до начала войны получить еще и 37-мм скорострельные зенитки, которые также могли быть с успехом использованы для борьбы против легких танков.

Но и это еще не все. В составе дивизии есть разведывательный батальон. Разведбат стрелковой дивизии Красной Армии в два раза меньше немецкого разведбата по численности личного состава (273 и 623 чел.), но несравненно мощнее по вооружению. Разведбат пехотной дивизии вермахта – это, по сути дела, обычный пехотный батальон сокращенного состава; он и использовался часто как передовой отряд наступающей пехоты (что многократно встретится нам в документах следующих разделов книги). В общий перечень средств ПТО он добавляет лишь три 37-мм пушки. А в разведбате советской стрелковой дивизии 16 плавающих пулеметных танкеток Т-37/Т-38 и 10 броневых автомобилей БА-10; последние вооружены 45-мм пушкой, установленной во вращающейся «танковой» (по виду и конструкции) башне. Вот и еще 10 противотанковых «стволов», причем укрытых броней и высококомобильных.

⁹ Из книг, мемуаров и кино читатель, наверное, знает, что «сорокапятка» простояла на вооружении Красной Армии до самого конца войны. Но это была ДРУГАЯ пушка. При сохранении прежнего калибра в 45 мм новая противотанковая пушка М-42 имела значительно большую длину ствола (60 калибров вместо прежних 46) и усиленный метательный заряд. В результате – возросшая с 760 до 870 м/с начальная скорость снаряда и бронепробиваемость до 60 мм на близких дистанциях.

¹⁰ Имеет место многолетняя дискуссия о том, как в данном случае правильно перевести немецкое слово *Abteilung*. Применительно к артиллерии оно обычно переводится как «дивизион», но достаточно странно называть дивизионом структуру, на вооружении которой 36 орудий. Поэтому в данной книге принят перевод словом «батальон»; соответственно, входящие в него подразделения называются «ротами», а не «батаряями».

Мобильность есть важнейшее требование к подразделениям ПТО. Танковая атака всегда скоротечна (расстояние в 1,5–2 км от рубежа развертывания до линии вражеских окопов танк неспешно проползает за 7 минут). Соответственно, противотанковый дивизион, прибывший к месту прорыва с опозданием на полчаса, боевую задачу не выполнил и выполнить уже не сможет – танки противника скрылись за клубами дыма и пыли. . . Проблема быстроходности ПТО в вермахте была решена отлично. Для транспортировки 37-мм орудий противотанкового дивизиона использовался трех-осный автомобиль Kfz-69. По шоссе эта достаточно легкая (2450 кг) машина с 60-сильным двигателем неслась со скоростью 70 км/час (правда, без орудия – ходовая часть 37-мм пушки не допускала транспортировки со скоростью более 40–50 км/час). Что же касается проходимости, то автомобиль с двумя ведущими задними осями мог считаться «вездеходом» на автомагистралях Бельгии и Франции, но не среди российского бездорожья.

В Советском Союзе пошли другим путем. Командование Красной Армии решило, что средство транспортировки противотанковых орудий должно обладать проходимостью ничуть не меньшей, чем танк. Такая машина – бронированный гусеничный тягач «Комсомолец» – была создана на базе узлов и агрегатов легкого плавающего танка Т-37. Тягач мог буксировать орудия весом до 2 тонн (т. е. все имеющиеся и перспективные противотанковые пушки), преодолевал ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, ломал бронированным носом молодые елочки диаметром до 18 см, разворачивался на площадке диаметром в 5 метров. Благодаря очень низкому удельному давлению гусениц на грунт (0,58 кг/кв. см против 0,9–1,0 у немецких танков) «Комсомолец» обладал проходимостью лучшей, чем любой танк противника. При этом гусеничная машина была вооружена пулеметом в шаровой установке, развивала скорость 47 км/час (по шоссе, без груза и прицепа) и 11 км/час с полной нагрузкой (пушка на прицепе, боеприпасы в кузове) по пересеченной местности.

Таких чудо-машин с 1937 по 1941 год включительно было выпущено 7780 единиц, и к началу войны в частях Красной Армии числилось порядка 6,7 тыс. «Комсомольцев». [31] На 18 пушек противотанкового дивизиона по штатному расписанию стрелковой дивизии полагается 21 тягач. Таким образом, простая арифметика показывает, что наличным количеством «Комсомольцев» можно было полностью укомплектовать 319 дивизионов – что почти в полтора раза больше их реального количества¹¹. Упомянутых выше плавающих танков Т-37/ Т-38/ Т-40 по состоянию на 1 июня 1941 г. в военных округах числилось 3447 единиц. [32] В среднем по 15 танков на одну дивизию, т. е. почти полная укомплектованность. Плавали эти танки, конечно же, плохо – хуже прогулочного катера, но могли и лесную речку без брода и моста преодолеть, и противотанковую пушку на огневую позицию отбуксировать.

Совершенно уникальным был уровень моторизации гаубичной артиллерии стрелковой дивизии Красной Армии. На три дивизиона (36 гаубиц) по штатному расписанию полагалось 72 трактора (гусеничных тягача), 90 грузовых, 9 специальных и 3 легковые автомашины. Из них 36 тракторов использовались для буксировки орудий, 27 тянули прицепы с боеприпасами, 9 держались в резерве, для замены вышедших из строя. О такой роскоши немецкие артиллеристы не могли даже мечтать – в пехотной дивизии вермахта вся артиллерия на конной тяге. К очевидным преимуществам гусеничного тягача (мощность, проходимость, способность к безостановочному, не знающему усталости движению) следует добавить еще одно, чрезвычайно важное для войны середины XX века – трактор, в отличие от бедного животного, не начинает биться в конвульсиях при виде и звуке низколетящего самолета.

Специализированных артиллерийских тягачей не хватало даже первоочередным потребителям – механизированным корпусам, поэтому гаубичные полки стрелковых дивизий оснащались обычными тракторами (СТЗ-3, ЧТЗ-60, ЧТЗ-65) с моторами мощностью 52–65 л.с.

¹¹ По состоянию на 22 июня 1941 г. в войсках Киевского ОВО Юго-Западного фронта числилось 1142 тягача «Комсомолец» при штатной потребности в 874 ед. (ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 20. Л. 6 и 9).

Скорость буксировки была, конечно же, низкой (6–8 км/час), но вполне приемлемой для артиллерии стрелковой дивизии – от идущих пешком солдат орудия не отставали. Что же касается проходимости, то в осеннюю распутицу на российских дорогах-направлениях гусеничный трактор был вне конкуренции.

Для того, чтобы управлять огромной, сложной, много-звенной машиной под названием «стрелковая дивизия», нужна надежная связь. Как «известно» всем и каждому, связи в Красной Армии не было, так как диверсанты перерезали все провода, а про рацию никто в армии и не слыхивал. Про этих диверсантов «знают» даже те, кто ничего другого про историю войны не читал. И это не случайно – диверсанты и вправду были. Каждой из четырех Танковых групп вермахта было придано по одной роте диверсантов из части особого назначения «Бранденбург». В дальнейших главах нас ждут документы, в которых мы найдем конкретный ответ на вопрос о том, как это несметное полчище диверсантов было использовано. Выяснится и то, какой реальный процесс скрывался за словами «связь в частях и соединениях Красной Армии была потеряна». Пока же вернемся к сухим цифрам, и для начала разберемся с самым простым – с геометрией театра военных действий.

Полевой устав (ПУ-39, п. 375) устанавливал ширину полосы обороны дивизии в 8–12 км (в наступлении она еще меньше). В реальности соблюсти эти нормы удавалось не всегда, и мы будем исходить из того, что дивизия обороняется на широком фронте в 20 км. У дивизии есть сосед слева и сосед справа, будем считать, что и у них по 20 км фронта. Дивизии, как правило, входят в состав стрелкового корпуса, штаб которого находится в 20–30 км от передовой. Таким образом, командиру стрелковой дивизии нужна связь с подчиненными ему полками (до них 5–6 км), связь с вышестоящим штабом (20–30 км), связь с командирами соседних дивизий (те же самые 20–30 км максимум). В итоге дистанции более 30 км нигде не наблюдаются.

На таком расстоянии оперативную сводку в штаб корпуса можно передать просто с посыльным. Это самый помехозащищенный канал связи из всех, какие только можно придумать. Ходить пешком для этого совсем не обязательно: в составе стрелковой дивизии есть целый батальон связи, на оснащении которого числятся 6 верховых лошадей, 3 мотоцикла, 1 легковой автомобиль и 3 броневые машины БА-20 (уж с ними-то диверсант точно не справится). Еще в батальоне держат 18 служебных собак, как раз для того, чтобы пересылать с ними зашифрованные донесения. На расстоянии в 10–20 км «средством связи» вполне могут служить и сигнальные ракеты, костры, цветные дымы и пр.

Так, с такими средствами связи (правда, без мотоциклов и автомобилей) воевали Суворов и Наполеон, и у них отлично получалось! В конце XIX века появился телефон. Телефонов в Красной Армии было много, а именно – 252 376 штук по состоянию на 1 января 1941 г. [28] В среднем – более 800 аппаратов на каждую из 303 дивизий. Телефонные аппараты надо соединить проводами. Провода также были. По состоянию на 1 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 71 тыс. км телефонного кабеля 2-проводного, 315 тыс. км телефонного кабеля 1-проводного и 35 тыс. км кабеля телеграфного. [29] Таким количеством проводов можно было обмотать Землю по экватору 10 раз. В пересчете на одну дивизию получается в среднем по 1400 км провода.

Для того, чтобы не таскать тяжеленные катушки с проводом на себе, в батальоне связи 11 грузовиков. Провода надо раскатать, уложить, подсоединить к аппаратам. Для этого нужны люди. Люди были. В каждом стрелковом полку Красной Армии – рота связи. 60 человек в каждой. В батальоне связи дивизии 278 человек. И еще взвод связи в составе разведбата. В одной дивизии связистов примерно столько же, сколько было немецких диверсантов на всем Восточном фронте.

В стрелковой дивизии, темп наступления которой даже в самых оптимистичных расчетах не превосходил 10 км в день, проводные телефонные линии в принципе могли обеспечить всю

необходимую связь. И тем не менее, пехоте Красной Армии полагались и средства радиосвязи. 24 радиостанции в каждом стрелковом полку. 37 радиостанций в гаубичном артиллерийском полку, 25 радиостанций в легком артиллерийском полку, 10 в зенитном дивизионе, три радиостанции в батальоне связи дивизии, три радиостанции в разведбате... Всего по штатному расписанию в стрелковой дивизии 153 (сто пятьдесят три) радиостанции. Запомните эту цифру, уважаемый читатель. И поймите, что когда «историки» определенной идеологической ориентации начинают жалобные причитания на тему «средствами радиосвязи дивизии округа были обеспечены всего лишь на 30 процентов», то они рассказывают вам про то, как диверсанты перерезали провода дивизии, в которой было не 153, а только 46 радиостанций.

Теперь от количества перейдем к качеству. Радиостанции подразделялись на т. н. «полковые» и «батальонные». В качестве «полковой» использовалась, как правило, радиостанция 5-АК (принята на вооружение в 1939 г.). Мощность передатчика 20 Вт, радиус действия 25 км при телефонной и 50 км – при телеграфной связи. Как видим, «полковая» радиостанция практически могла обеспечить связь в звене «дивизия-корпус». И таких раций в дивизии по штатному расписанию должно было быть 19 штук (в частности, 3 в разведбате).

В качестве «батальонных» использовались легкие переносные радиостанции мощностью в 1,5–3 Вт (РБ, 6-ПК, РБК, РБС, РРУ и др.). Вопреки распространенному заблуждению, были среди них и радиостанции, работающие в УКВ-диапазоне (например, РРУ, имевшая 58 фиксированных настроек в диапазоне 33,25–40,5 МГц).

Это – теория. А что же на деле? Фактическая оснащенность Красной Армии средствами радиосвязи по состоянию на 1 июня 1941 г. была следующей: **6729 радиостанций 5-АК и 41 735 батальонных радиостанций** названных выше типов. [29] На самом деле, их было еще больше, т. к. документ, из которого взяты эти цифры, называется «Ведомость наличия средств связи в военных округах», а кроме округов есть еще и центральные учреждения Вооруженных сил. В частности, в Западном ОВО (большая часть рассказов про «диверсантов перерезавших» связана именно с первыми днями войны в Белоруссии) числилось 708 раций 5-АК и 5011 батальонных. В среднем по 10 полковых и 73 батальонные радиостанции на каждого «потребителя» (44 дивизии всех типов и 25 отдельных артполков).

Разумеется, не были забыты и штабы крупных соединений. Для организации связи в звене «корпус-армия-фронт» массово выпускались радиостанции РСБ и РСМК (мощность 80 Вт), 11-АК и РАФ (мощность 500 Вт). Их к 1 июня 1941 г. совокупно насчитывалось **1638 шт.** В среднем по 18 штук на каждый стрелковый и механизированный корпус (а в корпусе три, самое большее – четыре дивизии, каждой из которых полагалась одна РСБ, плюс линии связи командования корпуса с соседями и штабом Армии). В частности, в Западном ОВО было 89 мощных 11-АК и РАФ (они указаны одной строкой) и 57 РСБ – и это не считая 34 стационарные армейские радиостанции разных типов. В соседнем Киевском округе, соответственно, 107, 92 и 53.

Как все это было использовано? Подробно об этом пойдет речь в следующих главах, но один примечательный документ стоит привести уже сейчас. В первых числах (цифра в документе неразборчива) июля 1941 г. Военный совет 5-й Армии Юго-Западного фронта направляет в штабы подчиненных ему корпусов директиву, которая начинается с констатации следующих фактов:

«На протяжении всех военных действий нашей Армии связь по радио с механизированными корпусами, как единственное средство связи, работает крайне неустойчиво по вине начальников связи корпусов. Установлено, что радиосвязь, как правило, пропадает с наступлением ночи, в то время как атмосферные данные для работы радио ночью являются самыми благоприятными. Это говорит о том, что или же работа прекращается из-за боязни быть запеленгованными, или же просто радисты спят. Как правило, при свертывании раций для передвижения об этом не доносят. Таблица радиосигналов совершенно игнорируется, и сигнала

лами для донесения корпуса не пользуются. В особенности на всем протяжении действий безобразное отношение к вопросу установления радиосвязи наблюдается со стороны штаба 22 МК. По докладу капитана Филимонова рация 22 МК на протяжении 2-х суток совершенно не работала из-за того, что застряла в болоте, и об этом никто не доносит. Мало того, распоряжением начальника связи этого корпуса рация переходит для работы только на прием – опять же по причине боязни быть запеленгованным...» [277]

Вернемся, однако, к стрелковой дивизии Красной Армии и сопоставлению ее возможностей с пехотной дивизией вермахта. Были и такие параметры, по которым немецкая дивизия бесспорно превосходила советскую. Прежде всего – мотоциклы. Пехотной дивизии вермахта полагалось 530 мотоциклов (в том числе 190 с колясками), а по штату советской дивизии их всего 14. Специальных подразделений мотоциклистов в немецкой пехотной дивизии не было, но мотоциклами были густо насыщены практически все части дивизии: на них ездили связисты, разведчики, курьеры, посыльные, врачи и пр. Еще одна строка в списке матчасти дивизии – легковые автомобили. Их у немцев 394 против 19 в стрелковой дивизии Красной Армии.

Арифметическое превосходство налицо. Тактическое не столь велико, как может показаться с первого взгляда. Большая часть командного состава советской стрелковой дивизии должна была ездить верхом (для этого в штате дивизии было предусмотрено 616 верховых лошадей). Спору нет, немецкий офицер в легковом автомобиле перемещался в пространстве быстрее и с несравненно большим комфортом – до тех пор, пока этим пространством были брусчатые мостовые старой доброй Европы. В осеннюю распутицу, на тех направлениях, которые в России назывались «дорогами», легковой автомобиль или останавливался вовсе, или его приходилось буксировать парой лошадей (есть соответствующие фотографии)...

Как бы то ни было, но основная масса личного состава пехотной дивизии вермахта шла пешком. Вся артиллерия (кроме противотанковой) была на конной тяге. Именно эти два факта и определяли возможный темп марша. Обилие легких транспортных средств (мотоциклы и легковые автомобили) ничего тут изменить не могло – хотя, конечно же, их наличие повышало общий боевой потенциал дивизии. Что же касается грузовых автомобилей (а это – подвижность тылов, доставка боеприпасов), то цифры штатного расписания вполне сопоставимые (615 в пехотной дивизии вермахта и 529 в советской стрелковой). Сразу же отметим, что такое количество машин могло появиться в дивизии Красной Армии только после проведения открытой мобилизации.

Последнее – и по порядку, и по значимости – это количество людей. Людей в пехотной дивизии вермахта было на 16 % больше, чем в стрелковой дивизии Красной Армии (16 859 против 14 483). Объяснение этому самое простое. Прежде всего, в немецкой дивизии более многочисленные тылы, там примерно на 2 тыс. человек больше, чем в советской дивизии. Во-вторых, немецкое штатное расписание почти повсеместно предполагает большее количество людей на единицу оружия; так, например, расчет станкового пулемета у немцев состоит из четырех (!) человек, при этом стреляет, разумеется, только один. У немцев в артиллерийском полку 2696 человек на 48 орудий, а в двух артполках советской стрелковой дивизии 2315 человек на 60 орудий, и т. д. Наконец, в составе пехотной дивизии вермахта есть целый «полевой запасной батальон» (876 человек по штату), чего в советской дивизии не было вовсе.

Резюме. В боевых частях и подразделениях советской стрелковой и немецкой пехотной дивизий примерно равное количество людей и оружия, артиллерия стрелковой дивизии мощнее и мобильнее (мехтяга), средств ПВО и ПТО в советской дивизии больше, автотранспорта и тыловых структур больше у немцев. В общем и целом – вполне равноценные соединения. И это, разумеется, не случайное совпадение – Генеральные штабы в Москве и Берлине внимательно следили за строительством Вооруженных сил потенциального противника.

Артиллерия и боеприпасы

Беспощадным «богом войны» в вооруженных конфликтах первой половины XX столетия была артиллерия. Не эlegantный, стремительный самолет-истребитель, и не грозный танк, а простые и незатейливые с виду миномет и пушка лавиной огня разрушали оборонительные укрепления и командные пункты, быстро и безжалостно уничтожали поднявшегося в атаку противника (на их счету половина всех убитых и раненых во 2-й МВ), прокладывали дорогу своим танкам и пехоте.

Поясним сказанное одним, достаточно условным, но показательным расчетом – сравним возможности гаубичного артполка и бомбардировочного авиаполка. Корпусной артполк – это три дивизиона, всего 36 орудий. Предположим, что это 152-мм гаубицы. Норматив расхода «на день напряженного боя» составляет для них 72 снаряда; снаряды бывают разные, но возьмем типовой 40-кг осколочно-фугасный. Итого, полк способен «выложить», как говорят артиллеристы, 104 тонны. При этом важно подчеркнуть, что упомянутый выше норматив – это расчетная снабженческая единица, к техническим возможностям орудия он никакого отношения не имеет. 72 снаряда гаубица без особого напряжения расчета и техника отстреляет за один час. При наличии снарядов (и с необходимыми перерывами для охлаждения ствола) цифру в 104 тонны можно и удвоить, и утроить, и учетверить...

Бомбардировочный полк фронтовой авиации лета 1941 года – это 60 бомбардировщиков СБ. Затраты материальных ресурсов на вооружение, оснащение, обслуживание авиаполка и аэродромов, на подготовку летчиков и наземного технического персонала просто несопоставимы с затратами на артиллерийский полк. И что эти затраты дают в результате? В редчайших случаях бомбардировочный полк выполнял за день 60 самолето-вылетов и сбрасывал на врага 36 тонн бомб (типовая загрузка – шесть бомб ФАБ-100). Да и эти тонны самолеты могли поднять только днем, в хорошую погоду, а артиллерия молотила врага круглосуточно и круглогодично. Для полноты картины надо еще учесть, что артиллерия – при тщательной пристрелке и качественной работе корректировщиков – бьет весьма точно, а «горизонтальные бомбардировщики» той эпохи даже в полигонных условиях едва попадали в круг радиусом 300 метров¹².

Сразу же отметим, что товарищ Сталин артиллерию любил и ценил, ее роль и значение отчетливо понимал. На совещании по итогам войны с Финляндией (17 апреля 1940 г.) он говорил: *«Современная война требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия – это Бог... Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, что артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия...»* Понимание нашло свое выражение в конкретных делах – см. Таблицу 1 (составлена по 3 и 33).

Таблица 1

	СССР	Германия
82-мм (81-мм) минометы	14 524	11 767
76-мм (75-мм) пехотные и горные пушки	6785	4176
76-мм дивизионные пушки	8513	–
120-мм минометы (150-мм «пехотные орудия»)	3872	867
105-мм гаубицы	–	7076
122-мм гаубицы	8124	–
107-мм (105-мм) пушки	862	760
152-мм (150-мм) гаубицы	3817	2867
122-мм пушки А-19	1255	–
152-мм пушки-гаубицы МЛ-20	2603	–
203-мм (210-мм) гаубицы	871	388

¹² Сказанное вовсе не означает, что «авиацию придумали зря». Авиация радикально превосходит ствольную артиллерию по меньшей мере в трех параметрах: дальность «стрельбы», вес единичного боеприпаса, оперативная мобильность. Авиация решает такие задачи, которые артиллерия не способна решить в принципе. Но в том, что касается непосредственной огневой поддержки сухопутных войск, решающая роль артиллерии в эпоху 2 – й МВ бесспорна.

Как видим, по всем позициям, по всем основным калибрам артиллерийских систем к моменту начала войны Красная Армия располагала большим числом стволов, чем ее противник.

Совершенное отсутствие в пехотной дивизии вермахта хоть какого-то аналога советской дивизионной пушки было уже отмечено выше. С другой стороны, в СССР 76-мм «дивизионнок» наделали с таким избытком, что их порой ставили на вооружение артиллерийских батарей стрелковых полков, где штатно должны были быть легкие короткоствольные 76-мм пушки. В качестве самой массовой дивизионной гаубицы (а это и есть главная труженица войны) Красная Армия использует 122-мм систему, вес снаряда которой значительно (на 45 %) превосходит вес снаряда 105-мм немецкой гаубицы (22 кг против 15 кг).

Еще более заметным становится превосходство артиллерии Красной Армии на следующем уровне, в корпусах и армиях. В отдельных артиллерийских дивизионах, придаваемых пехотным соединениям вермахта, использовались 105-мм пушки и те же самые 150-мм гаубицы, которые стояли на вооружении арtpолков пехотных дивизий. На этапе подготовки к вторжению в СССР было принято решение ввести тяжелый дивизион (12 гаубиц калибра 150-мм или 8 таких гаубиц и 4 105-мм пушки) в состав арtpолка танковых дивизий; для этого, действуя по методу «тришкина кафтана», командованию вермахта пришлось расформировать 17 отдельных артдивизионов.

В конечном счете (и не учитывая пока артиллерию т. н. «большой мощности», т. е. гаубицы калибра более 200 мм и пушки калибра 150 мм и более) к июню 1941 г. вермахт имел в своем составе, на всех фронтах и направлениях, 33 пушечных, 38 гаубичных и 12 т. н. «смешанных» (8 гаубиц + 4 пушки) дивизионов. Всего 83 дивизиона.

В Красной Армии на тот момент развертывалось (не учитывая артиллерию «большой мощности») 133 отдельных арtpолка (94 корпусных, 12 пушечных РГК и 27 гаубичных РГК). (3, 19, 33) Полков было в полтора раза больше, чем у немцев дивизионов! Полки эти были разной структуры, но в основном трехдивизионного состава. Наличного количества орудий (в общей сложности 4,7 тыс. единиц) в основном хватало для их полного укомплектования. Но и останавливаться на достигнутом никто не собирался – утвержденный 7 февраля 1941 г. план производства артиллерийского вооружения на 1941 г. предполагал выпуск еще 2 тыс. орудий (300 пушек калибра 107 мм, 600 пушек калибра 122 мм и 1100 пушек-гаубиц калибра 152 мм). [34]

Многочисленное количественное превосходство дополнялось существенным превосходством в ТТХ артсистем (см. Таблицу 2)

Таблица 2

	Вес	Вес снаряда	Дальность, км
105-мм пушка К.18	5640	15	19,1
150-мм гаубица s.F.H.18	5510	44	13,3
122-мм пушка А-19	7155	25	20,4
152-мм пушка-гаубица МЛ-20	7130	43	17,2

Удивительно, но факт – единственной артсистемой вермахта, пригодной для стрельбы на дальность в «20-км диапазоне», была 105-мм пушка К.18¹³. Однако по весу снаряда эта система не идет ни в какое сравнение с советскими А-19 и МЛ-20. Что же касается основной немецкой 150-мм гаубицы, то она, имея равный с МЛ-20 вес снаряда, уступала советским корпусным орудиям в дальности стрельбы на 4–7 км. Такое количество начинает уже переходить в

¹³ Разумеется, речь идет о массовых системах, поступавших на вооружение в тысячах единиц; при этом мы оставляем за скобками «штучные» образцы, например, превосходную по своим ТТХ немецкую 150-мм пушку, выпуск которой составил 101 ед. за 4 года.

качество, т. к. в условиях артиллерийской дуэли (контрбатареинной борьбы, выражаясь строгим военным языком) разница в досягаемости на 4–7 км позволяет – при наличии необходимого «человеческого фактора», т. е. грамотного командира и обученных артиллеристов, – подавить батарею противника, оставаясь при этом в относительной безопасности. Великолепные орудия А-19 и МЛ-20 оставались на вооружении советской армии несколько десятилетий после окончания 2-й МВ, а в армиях сателлитов СССР – вплоть до конца XX столетия.

Для разрушения особо прочных оборонительных сооружений (железобетонные ДОТы) предполагалось использовать тяжелые артсистемы (артиллерия «большой» и «особой» мощности, по принятой в СССР терминологии). Советские историки неустанно подчеркивали, что увлечение тяжелыми артсистемами наглядно и убедительно демонстрирует агрессивные устремления германского милитаризма. Огромные орудия весом по 15–20 и более тонн, на тяжелых колесных, гусеничных или даже железнодорожных платформах стоили недешево, но на Гитлера, как известно, работала вся Европа.

С помощью «всей Европы» (т. е. с использованием орудий чешского и французского производства) в вермахте удалось сформировать 41 дивизион, на вооружении которых числилось 388 гаубиц калибра 210 мм¹⁴ и 40 тяжелых 173-мм пушек. Кроме того, было развернуто 7 дивизионов, вооруженных 150-мм пушками (по штату в каждом таком дивизионе должно было быть 9 орудий). [33] Всего набирается без малого 500 тяжелых артсистем («экзотику» вроде 600-мм мортир мы обсуждать не будем, т. к. заметной роли в событиях лета 41-го года они не сыграли).

На Сталина Европа не работала, а политика его была, как всем известно, неизменно миролюбивой. В результате к июню 1941 г. в Красной Армии числились 871 гаубица калибра 203 мм, 47 новейших мортир Бр-5 калибра 280 мм и 38 тяжелых пушек Бр-2 калибра 150 мм. [3] Итого (не считая «экзотику») 956 артсистем крупного калибра. Основной структурной единицей были гаубичные полки РГК большой мощности, по три дивизиона в каждом (было два разных штата – по 24 и 36 орудий в полку), на вооружение которых поступали 203-мм гаубицы Б-4. Таких полков развертывалось 33 (по другим источникам – 34), и это был один из немногих структурных элементов советской артиллерии, в котором наличного количества орудий заметно не хватало для полного укомплектования по штатам военного времени. В результате пришлось довольствоваться всего лишь двойным численным превосходством над вермахтом.

Верная своим традициям¹⁵, советская историческая пропаганда, умалчивая о реальных фактах превосходства советской артиллерии, соорудила развесистый миф о «катюше». В сотнях книг и газетных статей было рассказано о том, как «ретрограды» из Главного артиллерийского управления тормозили разработку этого «чудо-оружия», но правда восторжествовала, за день до начала войны реактивная установка залпового огня БМ-13 была принята на вооружение, и уже 14 июля 1941 г. батарея «катюш» нанесла первый сокрушительный удар. *«Батарея стерла с лица земли железнодорожный узел Орша... Боевая эффективность нового оружия превзошла все ожидания... Впоследствии с этого участка фронта гитлеровцы вывезли три эшелона убитых (их-то куда повезли?) и раненых».* В дальнейшем *«гитлеровцы пытались, но до самого конца войны так и не смогли создать ничего подобного».*

¹⁴ В вермахте они назывались «мортирами», хотя по длине ствола (31 калибр) и максимальной скорости снаряда (565 м/сек) это были скорее тяжелые гаубицы-пушки.

¹⁵ Самым прославленным диверсантом усилиями этой пропаганды стала несчастная девушка, пытавшаяся поджечь конюшню в занятом немцами селе, самым знаменитым летчиком – командир экипажа сбитого в первых же вылетах бомбардировщика, самым известным образцом мужества советских воинов – вымышленная от начала и до конца история «про 28 панфиловцев и 50 танков». При этом сотни реальных примеров героических и успешных действий бойцов и командиров Красной Армии оказались безнадежно забытыми.

Ничего подобного на вооружении вермахта, действительно, не было. И не случайно. Пороховые ракеты были известны еще древним китайцам, и в средневековых летописях встречаются разрозненные упоминания об использовании при осадах крепостей чего-то похожего на ракету. Но для того, чтобы превратить новогоднюю «шутиху» в систему оружия, способную не только «навести панический ужас на врага», но и уничтожить заданную цель, необходимо было решить целый ряд сложных научно-технических вопросов. Первейшим из них был выбор способа стабилизации траектории полета ракеты.

Разработчики советских неуправляемых ракет выбрали аэродинамическую стабилизацию. Ту самую, которая успешно используется в военном деле, начиная с оперенной стрелы для лука или арбалета. Просто, дешево, но для эффективной стабилизации нужна достаточно высокая скорость полета (аэродинамические силы зависят от квадрата скорости потока воздуха). Ракетный снаряд калибра 82-мм (РС-82) с аэродинамической стабилизацией был разработан и успешно применялся советской боевой авиацией еще начиная с боев у Халхин-Гола. Для авиации это было дважды удачное решение. Во-первых, к моменту пуска ракета уже движется относительно воздушной среды со скоростью 100–120 м/сек. Во-вторых, «все познается в сравнении» – на фоне основного на тот момент стрелкового вооружения самолетов (пулеметы винтовочного калибра и легкие 20-мм пушки) РС-82 был необычайно мощным инструментом огневой поддержки наземных войск.

Попытка использовать те же подходы для создания наземной системы реактивной артиллерии с неизбежностью вела в тупик. Для того, чтобы к моменту схода ракеты с направляющих она обладала достаточной скоростью, сами направляющие приходилось делать длинными (5 и более метров), что увеличивало габариты и вес установки (пусковая установка «катюши» – разумеется, без учета веса автомобиля – весила 2200–2300 кг), а в структуре веса ракеты большую часть занимал маршевый двигатель. Впрочем, и при этих усилиях и затратах рассеивание ракетных снарядов было огромным (по таблицам 1942 г. при дальности стрельбы 3000 м боковое отклонение составляло 51 м, отклонение по дальности – 257 м).

Немецкие инженеры, ставшие в конце 30-х годов абсолютными мировыми лидерами в ракетостроении, пошли другим путем. Реактивные снаряды германской армии стабилизировались вращением, которое обеспечивалось истечением раскаленных газов через систему сопел, установленных под углом к продольной оси снаряда. Мало того, что такой способ стабилизации обеспечивал несравненно большую кучность стрельбы; для вращающегося неоперенного снаряда скорость схода с направляющей почти не влияет на стабильность траектории. Это позволило сделать низкоскоростной снаряд, в котором большая часть веса приходится на боевую часть, поражающую противника; сами направляющие при этом могли быть очень короткими и легкими.

Наибольшее распространение получила 6-ствольная пусковая установка для 150-мм ракет (в отечественной литературе часто называемая «шестиствольным минометом», что технически неверно), которая в походном положении весила всего 515 кг, могла буксироваться любым автомобилем, конной упряжкой, перекачиваться по полю боя усилиями расчета. Принцип стабилизации вращением, не требующий большой скорости полета снаряда, позволил от 150-мм перейти к еще более тяжелым, 280-мм и 320-мм ракетам. Боевая часть первой снаряжалась 45 кг ВВ (в десять раз больше, чем в 132-мм снаряде «катюши») и при прямом попадании разрушала кирпичный дом; 320-мм ракета снаряжалась 50 кг огнесмеси, способной вызвать на площади в 200 кв. м пожар с высотой пламени до 2 м.

Таким образом немцам удалось создать высокоэффективную систему оружия, занявшую свою специфическую «нишу»: легкая, дешевая, мобильная установка, способная при малой дальности стрельбы нанести удар, сопоставимый с огнем артиллерии большой мощности. Окончательный итог «соревнования конструкторов» подвела практика боевого применения: уже в 1943 г. в СССР начались работы по модернизации реактивного снаряда «катюши»

с использованием раскрутки снаряда истечением газов из косо расположенных сопел. Принятые в начале 50-х годов на вооружение советской армии системы БМ-14 и БМ-24 использовали неоперенные вращающиеся реактивные снаряды, практически полностью повторявшие основные технические решения немецких инженеров.

Система «Небельверфер»¹⁶ была принята на вооружение вермахта в 1940 г. К июню 41-го, на тот момент, когда в Москве еще только подписывали бумаги о постановке «катюши» на вооружение, в составе вермахта числилось 18 дивизионов реактивных минометов (по 18 пусковых установок в каждом); они приняли участие в боях с первых же часов вторжения в СССР.

Среди всех составляющих матчасти артиллерии важнейшим следует признать боеприпасы. В конечном счете именно снаряд (мина) является той «полезной нагрузкой», ради доставки которой к цели работает весь огромный комплекс, состоящий из людей, орудий, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, линий связи, самолетов-корректировщиков и пр. В эпоху 2-й МВ низкая точность стрельбы компенсировалась огромным расходом боеприпасов (на подавление одной пулеметной точки по нормативам предполагалось израсходовать 60–80 снарядов). В результате даже по самой простой характеристике – по совокупному весу – артиллерийские снаряды значительно превосходили орудие, при помощи которого их отправляли на голову врагу.

Так, установленный приказом НКО № 0182 (по странной иронии истории приказ этот был подписан 9 мая 1941 г.) боекомплект к самой массовой в Красной Армии 122-мм гаубице составлял 80 выстрелов. С учетом веса снаряда, заряда и укупорки (снарядного ящика) полный вес одного боекомплекта (порядка 2,5 тонны) был чуть больше веса самой гаубицы. Одним боекомплектом, однако, много не навоюешь. Как правило, на проведение наступательной операции (что в календарном исчислении соответствует 15–20 дням) планировался расход боеприпасов в размере 4–5 боекомплектов¹⁷, таким образом, вес израсходованных в ходе операции боеприпасов многократно превосходил вес орудий. В 1941 г. вермахт израсходовал на Восточном фронте порядка 580 килотонн боеприпасов всех видов, что примерно в 15 раз превышает совокупный вес всех действующих на фронте артсистем.

По условиям Версальского мирного договора страны-победители установили для Германии жесткие ограничения: она имела право иметь на вооружении рейхсвера по 1000 артвыстрелов на каждое из 204 орудий калибра 75 мм и по 800 выстрелов на каждую из 84 гаубиц калибра 105 мм. Всего 217 тыс. снарядов. Мизерное – в сравнении с армиями великих держав – количество орудий и боеприпасов. Когда весной 1935 г. Гитлер заявил о выходе Германии из подчинения условиям Версальского договора, до начала мировой войны оставалось чуть более 4 лет. История отпустила Гитлеру мало времени, а природа – еще меньше сырьевых ресурсов (с добычей меди, свинца, олова, селитры в Германии, как известно, напряженка). Советский Союз находился в несравненно лучшем положении; тем более показательной является разница приоритетов, с которыми две тоталитарные диктатуры готовились к войне (см. Таблицы 1, 3, 4)

Таблица 3

¹⁶ «Метатель дыма» в дословном переводе; название связано с тем, что изначально система разрабатывалась как средство доставки химического оружия и постановки дымовых завес, т. е. средств поражения, не требующих высокой точности доставки.

¹⁷ Например, в первоначальном (от 29 октября 1939 г.) плане разгрома финской армии на Карельском перешейке планировался следующий расход боеприпасов: 1 боекомплект для боя в приграничной полосе, 3 боекомплекта на прорыв укрепленного района («линии Маннергейма») и 1 боекомплект на последующее преследование отступающего противника.

Боеприпасы (млн. шт.)	Германия	СССР
81-мм (82-мм, 107-мм) минометы	12,7	12,1
75-мм (76-мм) полевые пушки	8,0	16,4
105-мм (122-мм) гаубицы	25,8	6,7
150-мм (152-мм) гаубицы и г-п	7,1	4,6

Таблица 4

Боеприпасы на один ствол	Германия	СССР
81-мм (82-мм, 107-мм) минометы	1100	600
75-мм (76-мм) полевые пушки	1900	1100
105-мм (122-мм) гаубицы	3650	800
150-мм (152-мм) гаубицы и г-п	1900	717

Ситуация, как видим, достаточно парадоксальная. Значительно превосходя вермахт по числу орудий всех основных калибров, Красная Армия уступала своему будущему противнику и по общему количеству накопленных боеприпасов (к июню 41-го Германия имела порядка 740 кило тонн снарядов ствольной артиллерии средних калибров, а Советский Союз – 450 кило тонн), и по удельному числу снарядов в пересчете на один ствол. Причем по последнему показателю соотношение ресурсов сторон многократное.

Здесь не случайно использованы слова «соотношение ресурсов» вместо короткого слова «превосходство». Много снарядов на один ствол – это и не хорошо, и не плохо; **это разные подходы к планированию войны**. Несколько тысяч снарядов на орудие позволяют воевать долго, проводя одну операцию за другой. Большое число «стволов» при малом количестве снарядов к каждому из них – это способность к нанесению одного короткого, но сокрушительного удара. Гитлер, как известно всем и каждому, готовил свою армию к «блицкригу», молниеносной войне. К чему же – если судить по цифрам в Таблице 4 – готовился Сталин?

Впрочем, самым верным критерием оценки количества накопленных боеприпасов будет сравнение числа снарядов не со стволами, а с поставленными задачами. Например, по установленным в конце войны на основании практического опыта нормативам (а нормативы эти многократно превосходили довоенные представления!) для уничтожения всех огневых средств пехотной дивизии вермахта требовалось «выложить» 50 тыс. снарядов 122-мм гаубицы. А к началу войны непосредственно в пяти западных приграничных округах (не считая «занаряженные» для них запасы центра) было сосредоточено 3,38 млн выстрелов¹⁸ к 122-мм гаубице (в среднем по 10 боекомплектов на орудие). Таким образом, наличного запаса выстрелов должно было с избытком хватить для разгрома 60 дивизий, т. е. половины немецкой армии вторжения.

Вторую половину ждала ничуть не лучшая судьба – кроме 3,38 млн 122-мм выстрелов в западных округах было накоплено еще и 2,79 млн гораздо более мощных выстрелов к 152-мм гаубицам и гаубицам-пушкам. И для окончательной «зачистки местности» – еще 7,2 млн выстрелов к 76-мм полковым, горным и дивизионным пушкам. А если и этого не хватит, так есть еще 6,1 млн выстрелов к 82-мм минометам.

Не были забыты и танки противника. Всего в пяти западных приграничных округах числилось 6870 «сорокапятков» (по другим источникам – 7520), и на каждую из них в среднем приходилось по 373 бронебойных выстрела; эта цифра варьировалась от 149 в Одесском до 606 в Западном округе. Если же считать по самому минимуму (без учета Ленинградского и Одесского округов), то к утру 22 июня 1941 г. для боя с тремя тысячами немецких танков было подготовлено 2,3 млн бронебойных 45-мм выстрелов. В среднем – 700 на один танк.

Заслуживают самого пристального внимания и 234 тысячи выстрелов к 203-мм гаубицам Б-4, завезенные в приграничные округа. В 1944 г., в ходе грандиозных по масштабу наступательных операций Красная Армия израсходовала «всего лишь» 168 тыс. таких снарядов. В

¹⁸ Здесь и далее – если не оговорено иное – приведены цифры из справочника «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (№ 3 в списке источников).

полтора раза меньше. 203-мм гаубица бросала 100-кг снаряд на дальность в 18 км и предназначалась для разрушения особо прочных оборонительных сооружений (специальный бетонобойный снаряд пробивал перекрытие ДОТа толщиной в 1,5 метра). Наличие циклопических гор бетонобойных снарядов в приграничных округах (по 12 боекомплектов на орудие) молча, но твердо свидетельствует об исключительной серьезности намерений тов. Сталина...

Увы, в деле обеспечения Красной Армии боеприпасами были допущены и серьезные ошибки, одну из которых объяснить разумными доводами не удастся: в войсках было мало бронебойных выстрелов к 76-мм пушке. Всего 132 тыс. штук. Нехватка бронебойных 76-мм выстрелов в значительной мере обесценила два военно-технических преимущества Красной Армии: наличие в составе вооружения стрелковой дивизии 16 длинноствольных пушек, способных пробить лобовую броню любого немецкого танка, и наличие почти такой же «трехдюймовки» на танках новых типов (Т-34 и КВ). При отсутствии бронебойных снарядов новейшие советские танки «опускались» до уровня немецкого Pz-IV с короткоствольным 75-мм «окурком».

И это, безусловно, плохо. Однако слово «мало» всегда требует уточнения – мало в сравнении с чем? Бронебойных 76-мм выстрелов было очень мало в сравнении с реальными возможностями советской экономики, которые позволили накопить к июню 1941 г. 12 млн бронебойных 45-мм выстрелов, 16 млн осколочно-фугасных 76-мм и 5 млн зенитных (т. е. гораздо более сложных и дорогих) 76-мм выстрелов. Глядя на эти цифры, трудно понять – что же помешало наладить массовое производство 76-мм БР выстрелов? Времени было достаточно: танки Т-34 и КВ приняты на вооружение Красной Армии 19 декабря 1939 г.; дивизионная 76-мм пушка Ф-22 была принята на вооружение еще раньше, в 1936 г.

Картина становится не столь безнадежной, если сравнить число БР снарядов с задачей, для решения которой их используют. Бронебойными снарядами не стреляют «по площадям», не ставят «огневые завесы», их вовсе не обязательно расходовать миллионами. В ситуации дуэли «танк – пушка» выстрелить много раз пушка просто не успевает... По состоянию на 22 июня 1941 г. в составе немецкой армии вторжения целей, на которые стоило бы тратить трехдюймовый бронебойный снаряд, было порядка 1400 (строго говоря, еще меньше, т. к. среди учтенных в этой цифре средних танков Pz-IV было некоторое количество машин ранних серий с 30-мм лобовой броней). Поделив реально имевшиеся снаряды на это число, мы получаем впечатляющий результат: 95 единиц 76-мм бронебойных снарядов на один средний немецкий танк или САУ с усиленным лобовым бронированием. А вот это уже совсем не мало!

Да, конечно, война – это не пасьянс, и на войне нельзя попросить противника подогнать средние танки к огневым позициям 76-мм «дивизионок», а прочую легкобронированную мелочь – поближе к противотанковым «сорокапяткам». Но даже если обстоятельства боя заставят расходовать дефицитные 76-мм БР снаряды на любую появившуюся в прицеле бронированную гусеничную машину (а таковых в вермахте на Восточном фронте насчитывалось никак не более 4 тысяч, включая пулеметные танкетки и легкие САУ), то и тогда чисто арифметически войска Красной Армии имели в наличии 33 снаряда на одну цель. При умелом использовании – вполне достаточно для гарантированного поражения.

Вся эта неопровержимая арифметика не учитывает, к сожалению, самое главное – «человеческий фактор», проявившийся в том, как были распределены и использованы наличные ресурсы. За два месяца до начала войны, 24 апреля 1941 г., зам. наркома обороны, начальник ГАУ маршал Кулик отправил в западные приграничные округа телеграммы такого содержания: *«76-мм бронебойные выстрелы направлять в войска по следующему расчету: на каждую пушку в стрелковых дивизиях – 6, в кавалерийских дивизиях – 12, моторизованных дивизиях – 12, укрепрайонах – 12, бронепоездах – 10, казематные орудия – 20, капонирные – 10, на танках КВ – 25, на танках Т-34 – 13»*. [35] А следом идет еще одна, очень интересная фраза: *«Расчет*

составлен на боевой состав к 1.1.42 г., исходя из фактического наличия бронейных выстрелов к 1.7.41 г.» Т. е. в расчет было принято реальное количество БР-выстрелов (с небольшой погрешностью на разницу в датах между 24 апреля и 1 июля), но «стволов» было учтено значительно больше («на боевой состав к 1.1.42 г.»).

Для того, чтобы загрузить 25 бронейных снарядов в каждый тяжелый танк КВ и еще 13 в каждый танк Т-34, требовалось (считая только по западным округам) 27 тыс. 76-мм БР-снарядов; ровно одна пятая от наличного ресурса снарядов. Казалось бы, какие проблемы могли возникнуть в деле выполнения приказа маршала и заместителя наркома обороны? Увы, совладать с советским «человеческим фактором» оказалось невозможно.

16 мая 1941 г. все тот же маршал Кулик отправляет в Минск, начальнику артиллерии Западного ОВО следующую телеграмму: «Предлагаю немедленно, оперативным транспортом вне обычного плана перевозок отправить бронейные выстрелы в войска, в первую очередь – в танковые дивизии». Прошел месяц и еще четыре дня. 20 июня, в 15.30 маршал Кулик отправляет очередную (за номером 1543) телеграмму в Минск: «По докладу одного из командиров ПТАБР (противотанковой артиллерийской бригады) округ не выдает бригаде боекомплект артвыстрелов. Предлагаю немедленно выдать всем ПТАБР боекомплект, в том числе положенные бронейные выстрелы. Телеграфируйте 21 июня Ваше распоряжение и объяснение причины недопустимой задержки отпуска боекомплектов». [36]

Через два дня началась война. Телеграфировать о причинах стало уже поздно...

Укрепрайоны

Существует некоторый набор «фактов» в кавычках, которые известны в нашей стране каждому, кто хотя бы в минимальной степени интересуется историей Великой Отечественной войны. Одна винтовка на троих, фанерные советские истребители, безнадежно устаревшие танки... В этом же ряду стоит и легенда о том, как накануне войны линию укреплений вдоль «старой границы» взорвали, а у новой границы ничего путного построить так и не успели. Как и положено всякому мифу, эти байки отвечают какой-то важной психологической потребности общества, в данном случае – дают необременительное для национальной гордости великороссов объяснение причин страшной военной катастрофы лета 1941 г. Как и всякий миф, этот живет сам собой, не требуя документальных подтверждений и ничуть не слабея от встречи с реальными фактами.

И все же история про «там взорвали, здесь не построили» имеет некое принципиальное отличие от других, подобных ей заведомо ложных измышлений. Количество винтовок и противотанковых пушек в Красной Армии есть некая абстракция, пощупать рукой это количество невозможно; читатель вынужден или верить тому, что рассказывают маститые ученые с экрана государственного телевидения, или тратить собственные деньги и законный отпуск на поездку и работу в столичных архивах (чего ни один нормальный человек делать не станет). А вот «непостроенные ДОТы» существуют в натуре. Да, их взрывали немцы, их взрывали советские, их пытались снести в 40-е и 50-е годы, но построено было так много и так прочно, что и по сей день сохранившихся ДОТов очень много. Их можно увидеть глазами, потрогать руками, зайти вовнутрь. И в нашей стране, и в Польше (большая часть укрепрайонов Западного ОВО после окончания войны осталась на территории, возвращенной Польше) существуют многочисленные объединения «поисковиков», которые облазили едва ли не каждый ДОТ; есть специализированные интернет-сайты, на которых выложены сотни, если не тысячи, фото-графий. Но миф живет своей жизнью...

Словами «укрепленный район» в советском военном языке обозначались два понятия: это и район местности, оборудованный системой оборонительных сооружений, главными из

которых являются железобетонные долговременные огневые точки (ДОТы), и воинская часть, которая занимает эти сооружения и ведет в них бой. Сооружения – оборонительные, воинские подразделения укрепрайона занимают оборону и ведут оборонительный бой, но никакого отношения к выбору оборонительной или наступательной стратегии эти факты не имеют. Точно так же, как противотанковые пушки и оружие противовоздушной обороны (зенитные пулеметы и пушки) абсолютно необходимы наступающей армии, так и укрепрайоны играют свою важную роль в ходе наступательной операции. О чем прямо и четко было сказано в Полевом уставе Красной Армии: *«Сковывая противника на всем своем фронте, они создают возможность сосредоточения крупных сил и средств для нанесения врагу сокрушительных ударов на других направлениях»* (ПУ-39, Глава 2, п. 33).

Основа основ военного дела – принцип концентрации. *«Быть всюду одинаково сильным нельзя»*, – с жесткой военной лаконичностью утверждает п. 11 упомянутого выше Полевого устава. *«Подавляющая часть сил и средств должна быть в наступательном бою применена на направлении главного удара»*. Сказать это легко, труднее сделать. Сосредоточив большую часть сил в узкой полосе наступления, мы с неизбежностью ослабляем обширные соседние участки. И если противник не трус и не дурак – а именно на случай встречи с таким противником разрабатываются боевые уставы, – то он попытается нанести контрудар по ослабленному участку нашего фронта. Вот в этой-то ситуации роль и значение укрепрайона трудно переоценить.

Карта-схема, составленная на основании реальной карты, подписанной 6 апреля 1941 г. заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майором Анисовым (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 244), показывает – как эту теорию планировалось применить на практике. (Рис. 1.) Отчетливо видно, как опасный разрыв между флангами двух ударных группировок Юго-Западного фронта (5-й Армии, наступающей по линии Ковель, Хелм, Люблин, и 6-й Армии, наступающей по линии Львов, Билгорай, Люблин) закрывают три укрепрайона: Владимир-Волынский (УР № 2), Струмиловский (УР № 4) и Рава-Русский (УР № 6). На северном «острие» «Львовского выступа» развертывается главная ударная группировка фронта, там укрепрайонов нет.

Южный фланг ударной группировки прикрывает Перемышльский укрепрайон (УР № 8). Далее к югу, в верховьях р. Сан, граница проходит по непроходимым для крупных масс войск хребтам Карпатских гор. Севернее Ковеля территорию Киевского ОВО естественным образом прикрывает непроходимый массив заболоченного леса (украинское Полесье), впрочем, и этот участок решено было усилить укреплениями Ковельского УРа, но его строительство к июню 41-го еще только начиналось.

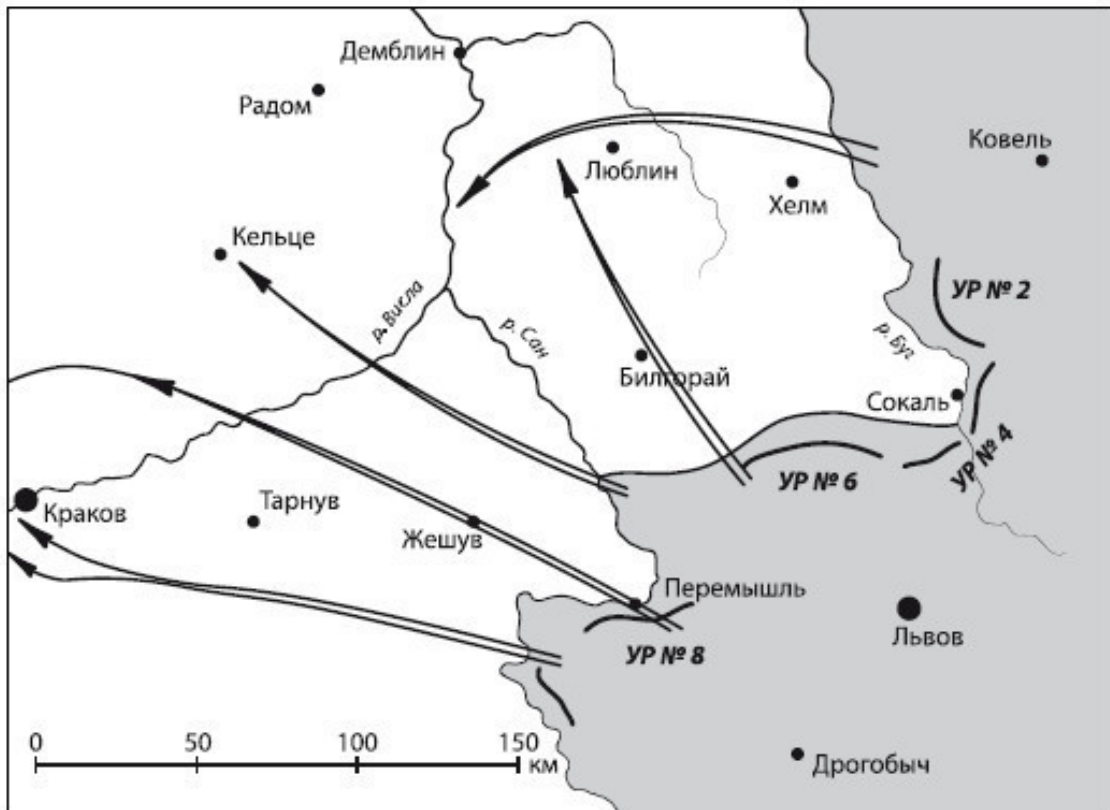

Рис. 1. Укрепрайоны Киевского ОВО

Схема наглядно показывает еще одну значимую особенность укрепрайонов XX века – в отличие от Великой китайской стены они вовсе не были вытянуты в единую неразрывную линию. УРы закрывают лишь малую часть общей протяженности границы. А если перейти от упрощенной схемы к военной топографической карте, то станет видно, что и внутри полосы укрепрайона нет ничего похожего на сплошную цепочку ДОТов. Оборонительные сооружения сконцентрированы в нескольких группах, весьма точно названных «узлами обороны». В каждом таком узле по 10 и более ДОТов (в Рава-Русском УРе были узлы обороны с 17 ДОТами, в составе Брестского УРа в районе села Семятыче был узел обороны с 20 ДОТами). В конечном счете каждый узел обороны становился неким подобием средневековой крепости, только «стены» ее были не из камня, а из свинца – ни к одному из ДОТов нельзя приблизиться, не оказавшись под шквалом огня его соседей.

Строились эти «крепости» там же, где ставили крепости в древности – у дорог, мостов и переправ. Армии эпохи 2-й МВ, как никогда ранее или позднее, были привязаны к дорогам – они уже нуждались в транспортировке огромного количества тяжелой матчасти (прежде всего артиллерии и боеприпасов) и еще не пересели на вездеходные гусеничные транспортеры и вертолеты. Мощные узлы обороны УРов «запирали» основные транспортные артерии¹⁹, что с неизбежностью останавливало продвижение всей вражеской армии; вне дорог, по горным перевалам и лесным тропам могла пройти группа разведчиков-диверсантов, но не дивизия вермахта.

В Рава-Русском УРе на 90 км фронта планировалось построить 13 таких узлов-крепостей, в Брестском УРе – 10. И это еще очень скромно. На правом (северном) фланге Западного ОВО, в полосе предполагаемой обороны (наступать на Варшаву и Люблин должна была

¹⁹ Упомянутый выше узел обороны Брестского УРа у Семятыче перекрывал единственное на 140-км участке границы от Бреста до Замбрува шоссе, идущее с территории оккупированной немцами Польши через Бельск на Белосток.

ударная группировка фронта, сосредотачиваемая на его левом фланге) строился Осовецкий УР (22 узла обороны по 27 ДОТов в среднем в каждом из них) и Гродненский УР (28 узлов, 606 ДОТов). [37]

На территории Литвы, в составе четырех УРов (Тяльшайский, Шяуляйский, Каунасский, Алитусский) предполагалось построить 1641 ДОТ – в восемь (!) раз больше, чем было на знаменитой «линии Маннергейма». Всего же система укрепрайонов вдоль новой границы от Балтики до Черного моря должна была насчитывать порядка 5 тыс. ДОТов (в разных источниках называются цифры от 4737 до 5807, такой разброс объясняется тем, что программа строительства непрерывно расширялась, принимались решения о создании все новых и новых укрепрайонов).

В апреле 1941 г., с наступлением весеннего тепла, работы по сооружению УРов перешли в стадию круглосуточного строительного аврала. Кроме собственно строительных частей и неизбежных в подобном деле эков, к строительству привлекались десятки тысяч местных жителей; затем и этого показалось мало и на стройку послали по несколько стрелковых батальонов от каждой дивизии округа. Из Москвы одна за другой летели грозные телеграммы, подхлестывающие и без того бешеный темп строительства (так, в Западном ОВО за два месяца весны 41-го было забетонировано 217 оборонительных сооружений, что составило 128 % от первоначального плана). Если судить по доступным документам (ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 19–21, исходящие телеграммы Генштаба), в последние мирные дни высшее военное руководство выполняло функции дирекции огромного строительного треста; главная тема переписки – цемент, арматура, проценты выполнения плана...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.